

ISSN 2410-2725

World of the Great Altai
Үлкен Алтай әлемі
Мир Большого Алтая

The funeral ritualistic ceremonialism of ancient nomads of Kazakh Altai in the context of the ontological concept of life and death (materials of Berel barrows)

Samashev Zaynolla

Doctor of History, professor, chief researcher at A.H.Margulan Institute of Archaeology branch, SC MES RK, Astana. 010000 Republic of Kazakhstan, Astana, 24 Avenue of Republic, office 405. E-mail: archaeology_kz@mail.ru

Abstract. Some questions of the funeral ritualistic ceremonialism of ancient people of Berel on material of the analysis of one barrow No. 36 of the necropolis Berel comprehended in a wide cultural and historical context are considered in the article. The Berel valley is defined as a zone of the organization of sacral space where in consciousness of ancient nomads of the Kazakh Altai passed the border of the grave of terrestrial and after world in which there are basic elements (mountain, tree, water, etc.) which codify the mythological macrocosmos.

Keywords: necropolis Berel; East Kazakhstan; funeral ritualistics; pazyryk culture; leader's cult; concept of life and death.

Ежелгі Қазақ Алтайы көшпенділерінің ғұрыптық жерлеу дәстүрлері өмір мен өлім онтологиялық тұжырымдамасы тұрғысында (берел қорғандары материалдары бойынша)

Самашев Зайнолла

тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Астана қаласындағы Ә.Х.Марғұлан атындағы археология Институты филиалының бас ғылыми қызметкері. Қазақстан Республикасы, 010000, Астана қ, Республика даңғылы 24, 405 кеңсе. E-mail: archaeology_kz@mail.ru

Аңдатпа. Бұл мақалада ежелгі берелдіктердің кейбір ғұрыптық жерлеу құрылысының мәселелері №36 Берел қорымының материалдарын кең мәдени-тарихи контексте талдау барысында қарастырылады. Берел аңғарындағы кеңістік ежелгі Қазақ Алтайы көшпенділерінің санасында жер және жер асты аралығында шекараны киелі аймақ ретінде айқындап, мұндағы негізгі элементтерді (тау, ағаш, сужәне т.б.) мифологиялық макрокосмда кодтайды.

Кілт сөздер: Берел некропольі; Шығыс Қазақстан; ғұрыптық жерлеу; пазырық мәдениеті; көсемге табыну салты; өлім және өмір концепциясы.

Погребально-поминальная ритуалистика древних кочевников Казахского Алтая в контексте онтологической концепции жизни и смерти (по материалам берельских курганов)

Самашев Зайнолла

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник филиала Института археологии имени А.Х. Маргулана КН МОН РК в г.Астана. Республика Казахстан, 010000, г.Астана, пр.Республики 24, офис 405. E-mail: archaeology_kz@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы погребально-поминальной обрядности древних берельцев на материале анализа одного кургана №36 некрополя Берел, осмысливаемого в широком культурно-историческом контексте. Берельская долина определяется как зона организации сакрального пространства, где в сознании древних кочевников Казахского Алтая проходила граница земного и загробного миров, в котором налицо присутствуют основные элементы (гора, дерево, вода и др.), которые кодифицируют мифологический макрокосм.

Ключевые слова: некрополь Берел; Восточный Казахстан; погребально-поминальная ритуалистика; пазырыкская культура; культ вождя; концепция жизни и смерти.

ӘОЖ/ УДК 902(904)(574)

**Погребально-поминальная ритуалистика
древних кочевников Казахского Алтая
в контексте онтологической концепции жизни и смерти
(по материалам берельских курганов)**

Самашев З.

Введение. Для написания данной статьи были использованы материалы некрополя Берел. К сожалению, все курганы, исследованные нами здесь, являются ущербными для объективной реконструкции обрядовых действий. Тем не менее, наличие сохранившихся, после разорения погребенных людей, сопроводительных захоронений коней, конструктивных элементов погребальной камеры, сруба, а также остатков наземного сооружения курганов, вполне достаточно, чтобы рассуждать о специфике погребально-поминальной обрядности у носителей пазырыкской культуры Казахского Алтая в конце IV – начале III вв. до н.э.

Изучение погребально-поминальной обрядности связано с разработкой в науке о человеке фундаментальных проблем отношения людей к жизни и смерти (Смирнов 1991; 1997; 2011; Шевченко 2003, С.85-89; Мацына 2004, С.72-76; 2006; Мифология смерти 2007; Жизнь. Смерть. Бессмертие 1993; Смерть как феномен культуры 1994 и др.), в частности, веры в посмертное существование, возникновение которой исследователи относят к среднему палеолиту (Ulrich 2004, Р.40).

К данным проблемам обращаются специалисты различных научных направлений, следствием чего является присутствие разнообразных подходов к этой теме (Массон 1976, С.149-176; Алекшин 1981, С.18-22; 1987, С.14-16; Топоров 1985, С.89-95; Добролюбский 1987, С.27-30; Ольховский 1991; Мельник 1993, С.94-97; Кызласов 1993, С.98-111; Железчиков, Барбарунов 1993, С.51-58, 176; Погребальный обряд 1999; Иванова 2002, С.43-52; Семенова, 2006, С.120-130; 2008; Погребальный обряд ранних кочевников Евразии 2011; Дворников 2010, С.30-34 и др.).

Прямые письменные свидетельства древних авторов о погребально-поминальных обрядах ранних кочевников Алтая нам неизвестны, но близкие по времени описания по царским и рядовым скифам есть у Геродота (IV, 71-73). В деталях они, конечно, не совпадают, но некоторые моменты, порожденные близким образом жизни и мировосприятия, могут оказаться для нас интересными.

Для составления общих представлений о древних обрядах погребения ценными являются и относительно поздние сведения, например, позднеримского историка (VI в.) Иордана о ритуале погребения Аттилы, Ибн Фадлана о церемониях обращения с телом хазарских вождей или Менандра о похоронах кагана Западных тюрков Дизабула, и т.д.

Погребальному обряду собственно пазырыкцев Алтая также было уделено некоторое внимание в научной литературе (Суразаков 1988; 1994, С.71-74; Савинов 1996, С.107-111; Шульга 2002, С.191-195; Дашковский, Тишкин 2002, С.233-242; Тишкин, Дашковский 2003, С.128-168 и др.).

Исследователи давно высказываются о необходимости совершенствования дефиниции и понятийно-терминологического аппарата для структурного анализа погребальной обрядности (Лагуткина 2010, С.20). Существуют самые

простые и усложненные определения понятия «погребальный обряд», но они не противоречат друг другу, а, скорее всего, отражают определенные этапы развития научной мысли по «тафологии» (по Ю.А. Смирнову). Например, Е.П. Бунятян в одной из своих работ указывала, что под погребальной обрядностью она понимает просто «устройство могилы, способ захоронения, погребальный инвентарь, надмогильные сооружения» (Бунятян 1977, С.129), что в принципе не противоречит усложненным научным конструкциям многих других авторов.

Понятие «погребальный обряд» включает совокупность коллективных действий социума и группы близких к умершему людей, направленных на осуществление многокомпонентного и многоступенчатого «ритуала перехода» с момента «физической» смерти индивида (также в зависимости от ее характера - естественной и неестественной: болезнь, старость, смерть от повреждений, удушения или другие формы насилия и т.д.), кульминацией которого является (в архаическом миропонимании, и в особенности, в прагматическом аспекте взгляда на жизненный цикл человека) «предание тела покойника к земле» в определенной точке пространства «срединного мира», в определенное время.

В плане ритуальности это означает организацию перехода умершего в иную сферу мироздания, в инобытие, что квалифицируется как акт обеспечения его новым «жилищем» и другими средствами «жизнеобеспечения», необходимыми в «антимире» (одежда, утварь, кони, пища и др.), а также различными атрибутами (в зависимости от прижизненного социального статуса), которые становятся особо сакральными и, соответственно, наделяются особым семиотическим статусом.

Между физической смертью и этой кульминацией, а также после реализации всего этого, в социуме, к которому покойный принадлежал, проводится цикл траурно-торжественных мероприятий, в том числе, различного рода тризны, состязания и происходят вербальные формы выражение скорби – ритуальные lamentации/оплакивание (Бернштам 1985, С.12-14; Брагинская 1985, С.14-17), дауыс – плач мужчин у казахов (Фиельструп 2002, С.99; Актаев 2011, С.146-166; 2011, С.218-288), восхваление и т.д., которые также являются обязательной частью обряда. Поэтому, выявление синтаксической структуры обрядовых мероприятий (Иванов 1985, С.4), раскрытие их семантики и анализ прагматических аспектов (в том числе и процессуальных), составляет важнейшую исследовательскую задачу при изучении мировоззрения пазырыкского общества.

Могильник Берел являлся, как нам представляется, местом погребения лидеров и представителей элиты пазырыкского общества, особенно, I-III группы и цепочки курганов (Рисунки 1-3).

В научной литературе отмечены различные признаки и модели элитарности погребальных памятников и элиты в социальной структуре кочевого общества (Боковенко 1988, С.71-72; Галанина 1994, С.76-81; Дашковский, Мейкшан 2015 С.11-25; Яблонский 2015, С.46, 47). Тем не менее, в дальнейших рассуждениях мы будем исходить из того, что ритуально-обрядовые действия, которые происходили здесь, отличались масштабностью и пышностью и носили многоступенчатый характер по сравнению с проводами в инобытие рядового члена общества.

Вполне допустимо, что сразу же после кончины прежнего вождя к власти мог взойти новый человек. Тогда все дальнейшие ритуально-обрядовые мероприятия организовываются от имени нового лидера и они, естественно, служат важнейшим инструментом апологетики его власти. Однако, события могли раз

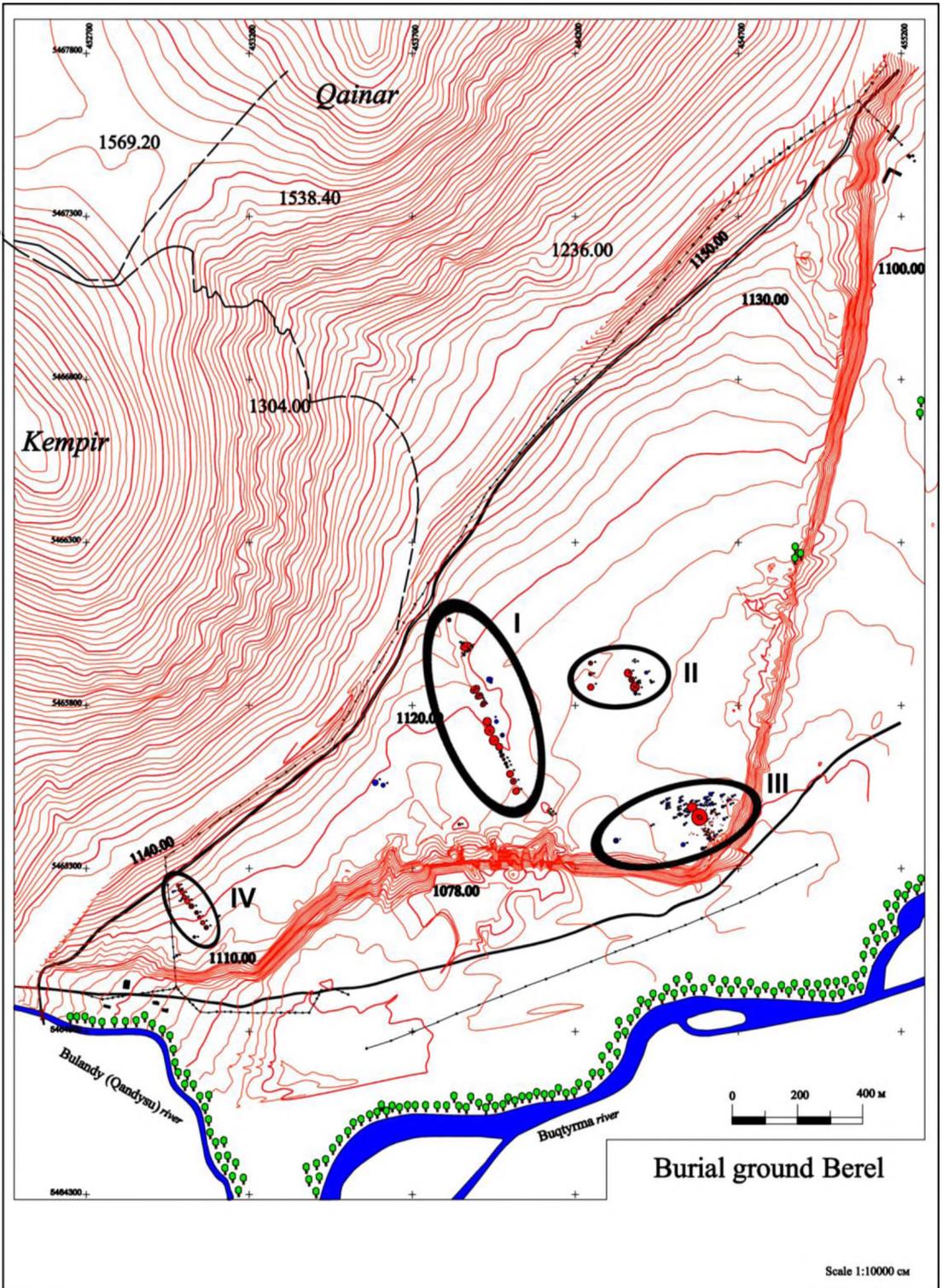

Рисунок 1. План некрополя Берел

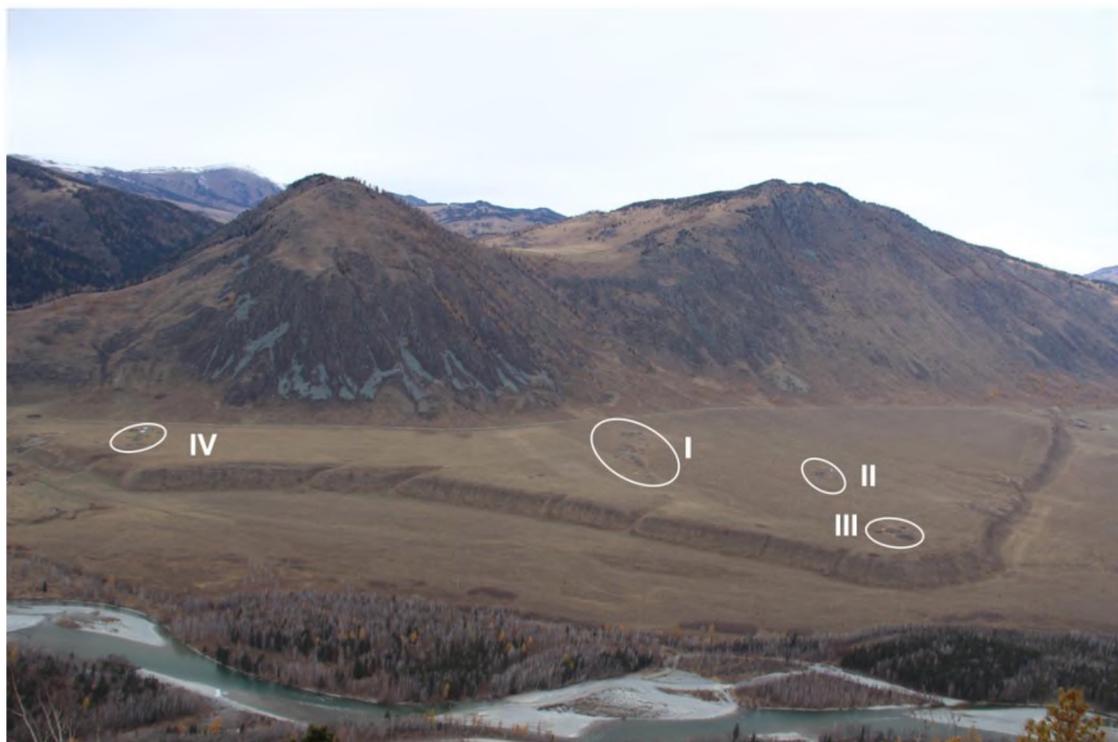

Рисунок 2. На ровной поверхности третьей надпойменной террасы р. Бухтарма расположены четыре разновременные курганные группы. Вид с юга

Рисунок 3. Курганы I – III групп, исследованные в разные годы

виваться и по другому сценарию, новый «чиф» мог появиться после полного проведения погребально-поминальных церемоний.

Исследователями используются различные типы структуризации процесса погребального обряда.

Необходимо отметить, что еще в 70-е годы прошлого века В.Ф. Генинг и В.А. Борзунов, которые рассматривали погребальный обряд как определенную статистическую совокупность, предложили расчленить весь процесс на шесть фаз: «А – подготовка места захоронения: сюда входят все данные о могильной яме и месте, где должно быть совершено захоронение; Б – подготовка умершего к захоронению: способ захоронения, одежда и украшения на умершем; В – захоронение умершего: ориентировка его по сторонам света, поза, количество захоронений в одной яме; Г – сопровождающий инвентарь – сосуды, орудия и оружие и т. д.; Д – ритуальные остатки – кости животных, следы огня, охра и пр.; Е – завершающий этап захоронения: надмогильные сооружения (вид, форма, размеры), количество захоронений под одной насыпью, остатки тризны и т. д.» (Генинг, Борзунов 1975, С.44).

Поскольку, данная статья основана, главным образом, на анализе материалов только одного № 36-го объекта, то отпадает необходимость заниматься, на уровне археологической процедуры, формализованно-статистической обработкой данных.

Тем не менее, с учетом мнения разных исследователей, попробуем структурировать весь цикл погребально-поминальной обрядности, выделив, как и вышеназванные авторы, несколько условных фаз реализации, начиная с оповещения о смерти индивида – до полного завершения постпохоронных мероприятий.

Начало обряда перехода, подготовка умершего к жизни в инобытие.

Весть/извещение о смерти индивида, члена социума, знаменует собой наступление начальной фазы отправления «ритуала перехода». Система и способ оповещения о смерти имеют свои особенности: пространственные и иные характеристики.

Дальнейшее развитие событий зависит от характера смерти (Мельник 1987, С.39-40) – естественная или неестественная, на чужбине или в пределах своего социума и, конечно, от места усопшего в социальной лестнице общества (лидер, т.е. персона, «наделенная при жизни властными полномочиями», член правящей династии, представитель родоплеменной аристократии, жреческой или воинской касты; военачальник или герой, рядовой общинник; мужчина, женщина, старый, молодой и т.д.) и от ритма времени. Методологически научная разработка данной проблемы может быть реализована на основании выявления классификаторов универсальной оппозиции (как вышеуказанных, так и множества других), характерных для знаковых систем, связанных с жизненным циклом.

Согласно социальному статусу и существующим в конкретном социуме нормам, которые аккумулировались многими поколениями жрецов и хранителей традиций («социально стереотипизированный коллективный опыт» – по Рындина 2002, С.62), начинается период траурных действий, направленных на гармонизацию социума, преодоление хаоса.

На этой фазе живые и умерший, по А. Геннепу, как бы «составляют особое сообщество, которое находится между миром живых, с одной стороны, и миром мертвых – с другой» (Геннеп 2002, С.135).

Погребальный обряд пазырыкцев имеет одну социокультурную специфику, связанную с бальзамированием тела значимых для социума персон (вождь, «царь», представитель высшей военно-жреческой касты и др.), что предпола-

гает осуществления не только медицинских манипуляций (Дворников 2009, С.14), но и проведение дополнительных сложных ритуально-обрядовых процедур. Поэтому необходимо внести коррективы в существовавшие нормативные установки, поскольку способ обращения с телом покойного является наиболее важным и, как полагают, устойчивым его элементом (Алкин 1995, С.37).

Бальзамирование тела царя у европейских скифов кратко описано Геродотом (IV, 71), который также указал на виды растений, использовавшихся для этого (Каменецкий 1995, С.68-76). Реальные (а не «косвенные подтверждения», как выразился И.С. Каменецкий) захоронения мумифицированных останков представителей кочевой элиты известны пока только на Алтае.

Следует вспомнить, что тело мужчины, погребенного в берельском кургане №11, было бальзамировано, по заключению медиков и генетиков, с использованием ртути и других веществ (Самашев 2011).

Следы медицинской манипуляции зафиксированы в Восточном Казахстане не только у представителей пазырыкской популяции, но и у ранних саков (курганы Елеке сазы на Тарбагатае), у тасмолинцев Сарыарки.

В структуре ритуализированных действий по подготовке покойника в мир иной, определенную нишу занимала, если судить по этнографическим данным, процедура омовения тела, за которой может также скрываться целый «клубок» предписаний и символических актов.

Данная процедура осуществлялась, по-видимому, несколько иначе в случаях, когда тело покойника подлежало к медицинским манипуляциям, связанным с бальзамированием.

Если обратиться к этнографическому материалу, то в традиционной обрядности казахов число омывальщиков тела покойного имеет, в некоторых регионах, нечетное число и состоит из представителей различных родоплеменных групп. Каждый из них омывают только определенную часть тела (что связано, с другой стороны, структуризацией, т.е. ритуальной космизацией через человеческое тело, неведомого мира, куда отправляется покойный) и получают соответствующие им обязательные «дары» в виде одежды (Коновалов 1993, С.35-37; Фиельструп 2002, С.102, 103; Катанов 1894, С.22). Допустимо существование нечто подобного и в эпоху ранних кочевников. Омовение, как полагают, связано, в большей степени, с ритуальными потребностями, нежели гигиеническими (Байбурин 1993, С.108).

За омовением (равно как и бальзамированием тела), возможно, должна последовать церемония облачения покойного погребальным одеянием, хотя действия древних могут не всегда соответствовать логике современного человека (Ольховский 1993, С.84). Как это происходило можно реконструировать только по этнографическим данным.

Продолжительность обрядовых действий на этой фазе может варьировать от нескольких дней до нескольких месяцев в зависимости от ритмов развития социальных, религиозно-политических и иных обстоятельств, а также календарной приуроченности к общественным или природным циклам. Известное сообщение Геродота о том, что у скифов простых умерших возят по округе 40 дней, относится не к подготовительному периоду, а к путешествию к месту погребения (Геродот IV, 73). Подчеркнем, что возникновение сорокадневного цикла в погребально-культовой практике, сохранившегося до настоящего времени у многих народов Евразии, вызывает интерес в науке.

Изготовление «сопровождающего» инвентаря для погребения умершего человека, особенно представителей высшей аристократии, которое относится к этой фазе «обрядового перехода», само по себе связано с идеей творения, рассматривается в ряде мифологем как демиургический процесс.

Трасологический анализ материалов кургана №36 показывает неоднозначность тезиса о том, что в могилу клали те вещи, которые использовались при «земной» жизни усопшего.

Изготовление ювелирами большого количества изделий из драгоценных материалов для церемониального костюма и оружия, а резчиками - художественных произведений из дерева, лакированных золотой фольгой для украшения снаряжения коней сопровождения (жеребцов светлой масти) со специфическим набором образов и сюжетов, а также работы ремесленников и других мастеров требует немало времени и, что очень важно, выполняется по особому заказу (допускают существования и в древности индустрии погребального инвентаря – Хршановский, 1993, С.15) и должны были соответствовать философско-этической доктрине, существовавшей в обществе. Едва ли возможно в таких случаях использование вольных сюжетов искусства, сотворенных вольными художниками.

Вполне возможно, что одна из причин мумификации тела особо важных персон связано с длительностью подготовительной фазы «обряда перехода».

Не исключено также существование в пазырыкском обществе сложного «царского» ритуала, наподобие ведийской ашвамедхи, проводившегося в течение целого года и даже больше, но приуроченного к годичным циклам (Альбедиль 2003, С.21, 22 ; Кузьмина 1977, С.37-38). Близкий обряд, который мог бы служить для нас сравнительным материалом, практиковался у царских скифов (Геродот IV, С.71, 72).

Значительная часть ритуально-обрядовых действий на этой фазе связана с прагматикой подготовки умершего в дорогу в инобытие, «отделения его от живых» (Иванова 2002, С.47), т.е. отправки тела умершего в трансцендентальное пространство.

Однако, действия людей, связанные с организацией «обряда перехода» на этой и другой фазах, в смысле их ритуально-мифологического содержания, проследить всецело по археологическим материалам, в частности, на основе анализе данных погребальных памятников, невозможно (Никитина 1985, С.79; Семенова 2006, С.120); они могут быть отчасти реконструированы с использованием палеозоографических данных (Плотников 1870, С.37-150; Диваев, 1898, С.45-79; Арғынбаев 1973; Дьяконова 1975, С.49-68; Акатаев 1993, С.57-59; Толеубаев 1991; Алтынсарин 1994, С.158-162, 67; Фиельструп 2002, С.98-181; Смагулов 2007; Мифология смерти 2007; Сибирский сборник-I 2009 и др.) и древних письменных сообщений (которые, к сожалению, весьма скудны и не всегда применимы к конкретным явлениям).

Выбор места в пространстве для погребения, возведение могильного сооружения. На этой фазе действия во многом переносятся в прагматическую плоскость, но при четком соблюдении религиозно-идеологических предписаний норм обрядовой практики.

Если реальное (а не мифологическое) пространство осваивается впервые для погребения умершего, то этому должны предшествовать ритуальные действия, связанные с сакрализацией профанической до этого времени местности, которая мыслится как пограничная (или контактная) зона между миром живых и миром мертвых и где должен осуществляться переход в инобытие.

В плане пространственно-структурной характеристики именно этот замкнутый участок долины р.Бухтармы с почти равнобедренными треугольными очертаниями (Рисунки 2, 3) и значительно превышающий пойму реки и имеющий ровную горизонтальную поверхность, покрытую вековыми хвойными деревьями, идеально подходил стереотипизированным нормам организации «локуса мертвых» у древних берельцев и соответствовал представлениям о мифоло-

гической (вертикальной троичной и четырехчленной горизонтальной) модели мира и специфике их мировосприятия. Горизонтальная, с незначительным наклоном на юг площадка, в виде почти равнобедренного треугольника, выбранная для организации некрополя, с севера своим основанием примыкает к подножью самой высокой на этом участке сопки, а ее острая вершина, круто возвышающаяся над поймой, ориентирована на правый берег полноводной горной реки Бухтарма, которая ограничена с юго-востока северным склоном другой горной гряды (Фото 1).

Фото 1. Живописный каньон р. Бухтармы

Немаловажным фактором при выборе пространства для организации «жилищ мертвых» является наличие реки, которая отделяет друг от друга, согласно двоичной бинарной классификации, два противоположных мира. Это свойство ландшафта усиливается и тем, что с боковых сторон (северо-восток и северо-запад) треугольная платформа также ограничена, как было отмечено выше, двумя притоками Бухтармы – р. Акберел (Акбулак) и Булантаы (Кандысу).

По представлениям, которые реконструируются на основе этнографических данных, «покойник» может попасть в хтоническое царство только через буйные водные потоки. В мифологемах разных космологических традиций это реализуется по-разному: на лодке или используются другие средства. Иногда колода для покойника рассматривается как эквивалент мифической лодки для плавания в подземном царстве (Семенова 2008, С.102).

Мифопоэтический концепт древних берельцев предполагал, видимо, преодоление покойным длительной дороги в другой мир на светлых мастей жеребцах (иногда крылатых) с роскошными снаряжениями и в масках и допускал переправку через подземные реки, судя по находкам, с помощью мифических рыб, символы которых представлены в виде больших и малых войлочных (и миниатюрных деревянных с плакировкой) подвесок от уздечки и седел (Фото 2, 3).

Длинные подвески из берельских курганов, которые оформлялись в виде стилизованной фигуры рыбы и подвешивались к седлу с обеих его сторон (Фото 4),

Фото 2. Войлочная подвеска седла в виде фигуры рыбы

лицо основные элементы (гора, дерево, вода и др.), которые кодифицируют мифологический макрокосм.

Следующий шаг – выбор конкретной точки для сооружения погребального объекта, что является ключевым моментом всей обрядности, поскольку это будет знаменовать собой начало (или продолжение) освоения нового пространства, которое мыслится в архаическом сознании как мост между мирами и священной территорией всего социума. Это то место пространства, где должно происходить восстановление (посредством специфических ритуально-обрядовых действий) нарушенного в связи со смертью индивида (лидера) космического миропорядка, наступление гармонии в обществе. Значение имеет и время освящения будущего места возведения кургана. В Береле, в качестве такой точки выбрано место, где сейчас находится курган №1 (Рисунок 3).

по-видимому, семантически эквивалентны изображениям птичьих крыльев мифических коней и сфинксов на цветных аппликациях некоторых седельных покрышек. В основе этих образов лежит, помимо прочих, та же коммуникативная идея – связь с трансцендентальным пространством, сопутствие ушедшему в инобытие в его передвижении не только в царстве мертвых, но и в других сферах мироздания. Здесь же заметим, что седельные и уздечные подвески, татуировки на теле бальзамированных персон в виде рыбы (определяемые некоторыми исследователями как изображения налима) из разных алтайских курганов пазырыкского времени трактуются по-разному (Грязнов 1950, рис.10, С.82; Полосьмак 1992, С.134-138). По-видимому, прав А.С. Суразаков, который предлагает рассмотреть образ рыбы в искусстве древнеалтайских народов несколько шире, в контексте общеевразийского универсального представления об изначальной водной первосубстанции (Суразаков 2005, С.35). В ряде мифологем образ коня тесно связан с водной стихией (Беленицкий 1978, С.35-36). С.В. Киселев увидел среди берелских зооморфных нашивных пластин, известных по раскопкам В.В. Радлова, образ крылатого гиппокампа, широко распространенного в искусстве и мифологии античного мира (Киселев 1951, С.339).

Итак, в структуре ландшафта Береля, определяемого как зона организации сакрального пространства, где должна проходить граница миров в случае возведения погребального комплекса, на-

Фото 3. Деревянные подвески уздечки в виде рыбы

Фото 4. Парадно-погребальное снаряжение коня. Курган № 11. Научная реконструкция З. Самашева, исполнитель К. Ахметжан

Фото 5. Берел.
Курганы пазырыкского времени №1 и №2

Фото 6. Курган №2. Разграбленное погребение «царицы» и сопроводительное захоронение семи лошадей

ется подходящим (дом будет богатым)» (Байбурин 1983, С.42).

Курган №1 (Фото 5), диаметром 39 м, содержал погребение человека в колоде внутри сруба, в сопровождении 17 лошадей (Сорокин 1969, С.208-236). К нему пристроен с севера курган №2, диаметром ровно на 10 м меньше и содержал остатки погребенной женщины пожилого возраста в сопровождении семи лошадей (Фото 5, 6).

Женщина, возможно, имела прямые клановые отношения к «царю», погребенному под курганом №1. Рядом с этими курганами больше не возводились другие погребальные сооружения изучаемой эпохи. Возможно династия внезапно прервалась, в связи с приходом к власти представителей другого клана. Последние выбрали местом захоронения своих умерших сородичей другой

Это самое высокое и видное место, которое хорошо просматривается снизу, со второй широкой и ровной террасы реки Бухтарма, где могли размещаться различные средства во время совершения ритуала.

Видимо, по своей архитектонике, энергетической ценностью (отсутствием природной патогенности) и многим другим признаком ритуальной чистоты, эта точка предварительно выбранного общего пространства оказалась наиболее приемлемой для сооружения кургана и полностью соответствовала мифопоэтическим воззрениям древних берельцев.

Следуя формуле: погребальное сооружение – есть жилище для мертвых (или место перехода, о котором говорилось выше), для раскрытия механизма выбора места для строительства дома можно привлечь материалы из этнографии разных народов.

Всаднические народы, при освоении новых пространств, в таких случаях следовали принципу «где конь не валялся», а место установки мобильного жилища (юрты) определяли, наоборот, по примете – «где конь валялся», тогда как восточные славяне в такой ситуации отдавали предпочтение рогатому скоту или, например, гадали на овечьей шерсти – «Вечером кладут «сухое руно овечьё» под горшок на предполагаемом для дома месте. Если к утру шерсть под горшком отсыреет – место счита-

участок, но в пределах уже сакрализованного пространства. Так, несколько севернее от предыдущей группы курганов возникают новые погребально-поминальные объекты (Рисунок 3, гр. II, №16, 18, 19), расположенные впритык, по линии север-юг. Последовательность сооружения этих курганов – с юга. Северный из них, курган №19 (Рисунок 3), самый поздний, содержал погребение молодой знатной женщины.

Курган №11 (рядом с которым находится объект №36), по результатам радиоуглеродного анализа и дендрохронологического изучения, как указано выше, на 66 лет моложе кургана №1.

Таким образом, к моменту появления кургана №36 треугольная платформа с вышеотмеченными курганными группами уже становится местом погребения представителей элиты пазырыкского общества, наподобие скифского Герроса, т.е. вопрос о начальной сакрализации пространства уже не стоял. Нужно было лишь пристроиться к могилам ранее умерших сородичей. В то же время, его значительная удаленность от домината, т.е. кургана №11 и расположение в начале цепочки вызывает ряд вопросов.

С учетом возраста курганов четвертой цепочки на крайнем западе платформы, можно предположить, что примерно, в течение 70 (возможно, 100) лет, происходило освоение всего пространства берельского могильного поля.

Некрополь возрождается в «сяньбийско-жужанскую эпоху» и развивается в древнетюркское время, но акцент в идеологии сознания раннесредневековых жителей региона меняется, по-видимому, в сторону преимущественного развития культа предков.

Наибольшее количество погребальных памятников эпохи средневековья зафиксированы возле курганов №1 и №2 (Рисунок 4, Фото 7), расположенных на острие треугольной платформы, т.е. люди этой эпохи пристраивали свои погребально-поминальные оградки-выкладки к самому грандиозному сооружению всего некрополя, подчеркивая тем самым преемственность, причастность к миропредставлению древних и ощущали родства с ними.

Обращает на себя внимание то, что восточная половина треугольной формы платформы свободна от каких-либо искусственных объектов, погребально-поминальные сооружения всех представленных эпох занимают только ее западную часть, что связано, в архаическом мышлении, с представлениями о западной стороне как символе заката, т.е. затухания жизни в «стране мертвых» (Хршановский 1993, С.15; Тульпе, Хршановский 2004, С.240) и где должен быть устроен локус «бессмертных мертвых».

Вернемся к выбранной для строительства кургана точке в пространстве.

Реконструкция конкретных форм обрядовых действий, связанных с началом строительства погребального сооружения, едва ли возможна даже при использовании этнографических материалов или древних письменных источников.

Схема создания погребального комплекса, которая была предложена в свое время В.С. Ольховским, в принципе характерна для курганной культуры и идеологии вообще (Ольховский 1999, рис. 1-4), но в нашем случае надо учитывать, что пазырыкский каменный курган, ориентированный на создание линзы искусственной мерзлоты имеет несколько иные принципы возведения, технические и квалификационные характеристики.

Вероятнее всего, значение придавалось выбору времени начала строительства кургана, древними жрецами учитывались благоприятные для этого годовые или календарные циклы – начало нового года, лунные фазы или другие обстоятельства, связанные с жизнедеятельностью социума, но в целом, в плане миропредставления - это воспринималось как начало установления космического порядка, как отмечалось, преодоление хаоса. Впрочем, это хрестоматийное утверждение.

Фото 7. Пазырыкского времени курганы № 1 и № 2 и расположенные вокруг них выкладки-ограды периода саяньбэй

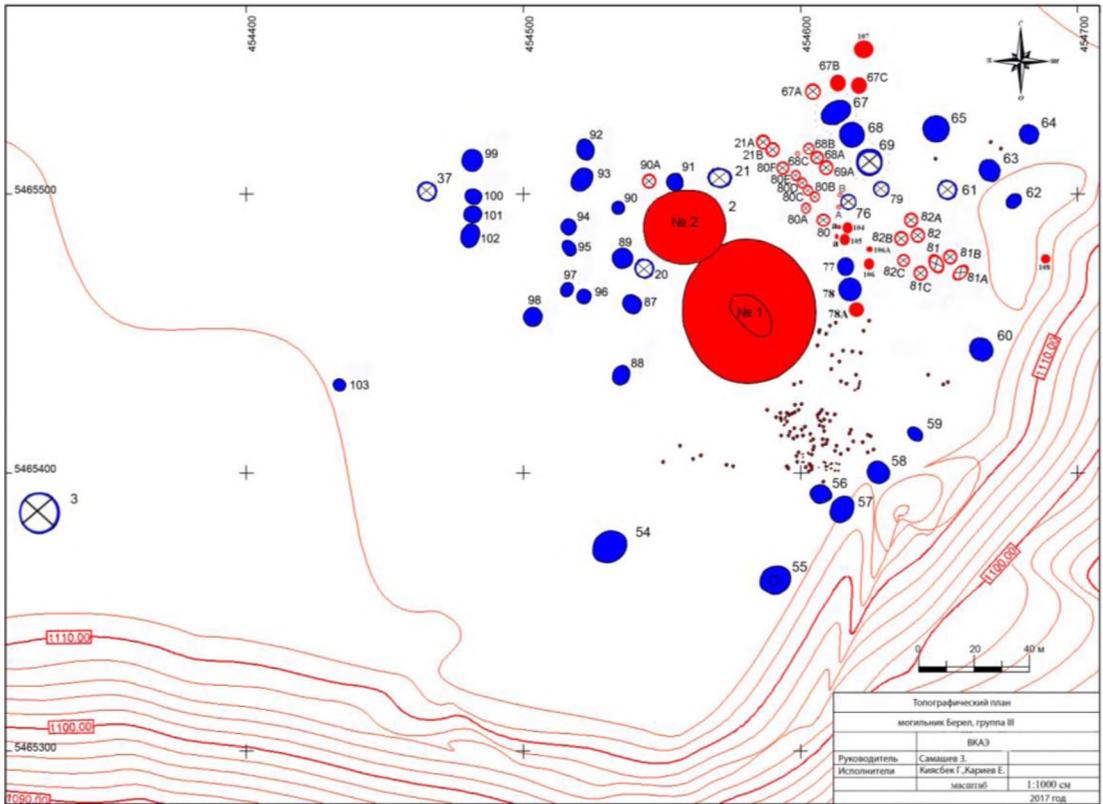

Рисунок 4. Пазырыкские курганы №1 и №2 (музеефицированные) и расположенные вокруг них выкладки-ограды периода саяньбэй

Фото 8. Курган № 11. Деревянная лопата, которая находилась в срубе с колодой

жертвоприношения близок к так называемой «строительной жертве», зафиксированной в этнографии ряда народов (Байбурун 1983, С.55-78; Зданович 2003, С.45-50).

С ритуалом жертвоприношения перекликается процедура «освящения» лопаты, как основного орудия труда и, возможно, других видов инструментов, используемых в строительстве кургана. Поэтому можно допустить, что в кургане №11 была преднамеренно, аккуратно положена в сруб, вдоль его внутренней стенки, цельная деревянная лопата (Фото 8). В данном случае просматривается не утилитарный, а явно семиотический смысл бытового характера вещи, т.е. ее знаковая сущность (Байбурун 1981, С.215; 1983, С.8).

Из этого кургана происходит еще одна вещь – изделие из лиственницы (130х30 см) с четырьмя отверстиями, которое определяется, в предварительном порядке, как элемент транспортного средства – часть корпуса телеги, к которой крепились детали обрешетки (Самашев, Мыльников 2004, С.203) или волокуши (Фото 9) для перевозки строительных материалов – дерева, досок, камней и др. Статус этой вещи, поскольку она найдена не *in situ*, не вполне ясен, но можно допустить и ее семиотическое (а не утилитарное) значение в погребально-культовой практике.

Выбор и использование различных строительных материалов для сооружения структурных

Процессу разметки контура площадки кургана, рытье могильной ямы предшествовали, вероятнее всего, обряды кровавого жертвоприношения различным божествам, которые, как известно, прошли путь от человеческих жертв до животных или символической простой замены пролитием крови (Винокуров 2004, С.55). В данном случае тип

Фото 9. Элемент конструкции волокуши или повозки

элементов кургана также входит в общую систему погребальной обрядности.

При возведении курганов Береля были использованы метаморфизированный глинистый сланец зеленоватого цвета из крупнообломочных отложений (гравитационные осыпи) у подножья сопки Кемпир в непосредственной близости от могильника и, в незначительном количестве - светло-серые речные окатанные камни средних размеров и мелкий галечник. Последний использовался в качестве панцирного покрытия всего наземного сооружения кургана, на завершающей стадии его строительства. Наличие панцирного покрытия берельских курганов связано не столько с техническими потребностями, сколько эстетическими и/или религиозно-мифологическими причинами.

Присутствие светлых окатанных камней на конструкциях наземного сооружения кургана, видимо, неслучайно, оно, возможно, указывает на определенное цветосимволическое обозначение или маркировку наиболее значимых (сакрализованных) частей строения.

Платформу-основание кургана в виде концентрических колец вокруг могильной ямы, которая должна выдерживать основную тяжесть, закладывали из самых больших блоков, а верхние слои наземной конструкции возводились из менее крупных камней. Облицовочные плиты внешней стены крепились имели большие размеры (до 100 см и более), их изготавливали на специальных каменоломнях – выходах коренных пород, расположенных на склоне упомянутой уже сопки Кемпир. Камень использовался в качестве многоярусного заполнения самой могильной ямы и для сооружения различных внутримогильных и внекурганых конструкций.

Для возведения только одного кургана №11 Береля требовалось транспортировать, по некоторым подсчетам, более 150 тонн каменной породы (Горбунов, Самашев, Северский 2005, С.99), заготовить различные деревянные конструкции, а с учетом самого процесса строительства – затратить колоссальную энергию социума.

М.П. Грязнов, относительно Первого Пазырыкского кургана писал, «чтобы соорудить каменную насыпь объемом 1800 куб. м, вырыть яму объемом в 196 куб.м, заготовить около полутысячи бревен для сруба и заполнения могилы, заготовить бересту, лиственничную кору, стебли курильского чая – на все это надо было затратить огромное количество труда, по самым скромным подсчетам не менее 2500-3000 человеко-дней» (Грязнов 1950, С. 68). По данным К.А. Акишева, на строительство Большого Бесшатырского кургана было затрачено от 20 тыс. до 45 тыс. человеко-дней (Акишев 1993, С.52-53; 2009, С.105). Подобные расчеты носят гипотетический характер, они производились и по другим памятникам (Грач 1975, С.161-165; Массон 1976, С.172-174; 1994 С.5, 6; Грязнов 1980, С.46; Ролле, Махортых, Грицюк 2007, С.123 и др.). Например, С.Н. Корневский, используя различные расчеты, в том числе, и нормы древних землекопов Шумера и Вавилона, предположил, что для возведения малого земляного кургана высотой до 1 м, диаметром в 20 м, древним майкопским племенам Предкавказья потребовалось бы 26(56) рабочих дней, а условная группа в 100 человек могла бы насыпать такой курган за день. Отсюда вычисляется объем трудозатрат на строительство кургана в честь умершего бигмена или чифмена высотой 5 или 10 м, с соответствующим диаметром (Корневский 2010, С.162-165).

Велика роль дерева в жизни древних скотоводов Казахского Алтая (Самашев, Мыльников 2004). Как у многих народов Евразии, оно тесно связано, кроме прагматических значений, с различными представлениями и соответствующими им ритуально-обрядовыми действиями (Байбурин 1983, С.26-34).

Древние берельцы для изготовления сруба-каркаса, надсрубных построек и колоды использовали только лиственницу, учитывая ее твердость и другие преимущества перед другими видами хвойных пород. К примеру, для изготовления сруба кургана № 11 использованы три ствола лиственницы возрастом ориентировочно 248, 245 и 231 год, а колоды – ствол 250-260-летней лиственницы, диаметром 95 см (Самашев, Мыльников 2004, С.200, 204).

Строительство кургана, подготовка и монтаж внутримогильных конструкций и, особенно, его наземного сооружения - процесс последовательный, длительный и сложный, в зависимости от прижизненного статуса усопшего, определяются его параметры, объем используемого материала, структурные элементы и, главное, смысловая нагрузка специальных (строительных) обрядов, сопровождающих возведение наиболее значимых компонентов, имеющих повышенное семиотическое значение (колода в срубе, надсрубные постройки, конский отсек в северной половине дна могильной ямы, закладка платформы вокруг верхнего края могильной ямы, установка вертикальных плит крепиды – ограждения, панцирное покрытие и др.).

Каменные курганы элиты пазырыкского общества в горных районах Алтая имеют некоторые конструктивные и тех-нологические своеобразия по сравнению с синхронными равнинными погребальными памятниками. Это, в первую очередь, связано с тем, что элитные алтайские памятники ориентированы на создание подкурганной вечной мерзлоты (искусственной, в случае Береля) с целью сохранения бальзамированных останков погребенных вождей. Для создания низкой температуры под курганом требуется не слишком высокая (до 5-6 м) наземная конструкция из крупнообломочных пород. Только такая конструкция способна регулировать процесс аккумуляции холода и формировать многолетнемерзлотную линзу или перелетков. Было выяснено, что в отдельные годы (холодная осень, малоснежная зима) сезонмерзлый слой в условиях высоты 1000-1120 м полностью не протаивал (Горбунов, Самашев, Северский 2005, С.76, 81-96). Кроме того, элитные пазырыкские курганы для того, чтобы содержать огромный сруб с колодой и большого количества конских захоронений в условиях постоянной низкой температуры, должны иметь глубокие (до 7м и более) и широкие могильные ямы (ориентированные, согласно погребально-культурным нормам, в широтном направлении). В аккумуляции внутри могильной ямы влаги и холода важную роль играет и естественная плотность грунта, т.е. удельная теплопроводность почвы (Ван де Керхове, Гуссен, Эбель, Юркова 2010, С.66).

Земляные (лессовые) конструкции (иногда с каменными панцирными покрытиями) наземных сооружений синхронных «царских» курганов Жетысу (Бесшатыр, Ассы Сага и др.) достигали высотой до 20 м, диаметром до 100 м и более.

Для возведения курганов скифской знати, известных на территории Украины, использовали, наряду с другими материалами, пойменный дерн, вырезанный в виде плитки (Андросов 1989, С.10). Есть примеры ближе – тагарские элитные памятники, типа Салбык.

Плитки дерна использовали, наряду со специальными заливками овальной формы («лепешки»), для закладки отдельных слоев наземных сооружений равнинных курганов Жетысу (Кегенские курганы), Тарбагатая (Шиликты) и Сарыарки (Талды-2) еще в раннесакское время.

Погребальные камеры известных сейчас «царских» курганов центральноазиатских саков устроены на уровне горизонта – Чиликты-5, Байгетобе, Аржан и др (Черников 1965, табл. 6; Толеубаев 2013, С.139-144; Боковенко 1994, С.44), только у некоторых из них имеются лишь до 1 м заглубления в землю (например, у Большого

Гумаровского кургана). Царские курганы скифов в VIII-VII вв. тоже сооружались на материке или имели незначительное заглубление (Курочкин 1979, С.24).

Организация внутреннего пространства глубоких могильных ям берельских пазырыкских курганов подчинена общим и конкретным правилам структуризации, при этом каждый из компонентов (четыре стены, четыре угла, пол, верхний край, сруб, колода, «конский отсек», сами кони и их украшения, состав сопроводительных вещей и другие более дробные элементы) имеет числовые, семиотические и иные универсальные классификационные характеристики, устроены согласно принципам двоичных (бинарных) оппозиций.

Погребальные камеры рядовых общинников изучаемого времени, судя по систематизированным данным из соседних регионов, имеют несколько упрощенные характеристики (Фролов 2008, С.75-87).

Вынос покойного и путь к месту погребения. Важный и, возможно, заключительный этап данного звена обрядовой практики древних, связан с похоронной процессией. Реконструкция данного эпизода выходит за рамки возможностей самой археологии, но может быть реализована на основе использования письменных источников и данных по этнографии.

В архаическом миропонимании сама смерть и события, которые происходят на этой фазе могут быть восприняты как начало путешествия в другой мир, если судить по этнографическим данным – «как переселение, переезд в новый дом» (Чистяков 1982, С.115).

Обрядовые действия, связанные с выносом тела покойного (из помещения) у многих современных народов Евразии совпадают в деталях и формах проявления, но, главное, в них можно обнаружить типологические сходства с древними обрядами, описанными в ряде письменных источников (Акатай 2011, С.218).

Траурно-торжественное шествие к месту захоронения (на повозке, колеснице или на каком-то другом транспорте, не исключая и на верховом коне), судя по этнографическому материалу, определяется как реальное начало ухода покойного в мир иной (Сысов 1993, С.29) и, вероятно, сопровождается различного рода мистериальными и оргиастическими действиями, видами «погребального мелоса», а также вербальными формами выражения скорби (наподобие античных «тренов», если умерший был представителем элиты общества), с причитаниями и восхвалениями его деяний и др.

Различные формы сопровождения умершего лидера или представителя элиты к месту погребения и религиозного экстаза в древности описаны и запечатлены в изобразительных материалах (Полидович 2007, С.49-55 Дьяконов 1954, С.111, табл. XX-XXII и др.).

У Геродота сказано, что тело умершего скифского царя из Герры «...везут на телеге к другому племени. Жители каждой области, куда привозят тело царя, при этом поступают так же, как и царские скифы. Они отрезают кусок своего уха, обстригают в кружок волосы на голове, делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелами. Затем отсюда везут покойника на повозке в другую область своего царства. Сопровождают тело те, к кому оно было привезено раньше. После объезда всех областей они снова прибывают в Герры» (Геродот IV, 71).

Скифский обряд сопровождения царского погребального кортежа перекликается, в некоторой степени, с упомянутым выше ведийским ритуалом ашвамедха.

Полагают, что иссыкского вождя в Жетысу могли хоронить аналогичным образом (Акишев, Акишев 1981, С.149).

Траурное шествие кортежа с телом умершего скифского царя к месту погребения длилось, по Геродоту, 40 дней, при реконструкции погребальной

церемонии берельской знати Алтая, в целом можно ориентироваться на такие сроки проведения обряда.

Упомянутый выше готский историк Иордан сообщает по поводу смерти и похороны Аттилы, что «тогда, следуя обычаю того племени, они отрезают себе часть волос и обезображивают уродливые лица свои глубокими ранами, чтобы превосходный воин был оплакан не воплями и слезами женщин, но кровью мужей» и «о том, чем племя почтило его останки. Среди степей в шелковом шатре поместили труп его, и это представляло поразительное и торжественное зрелище. Отборнейшие всадники всего гуннского племени объезжали кругом, наподобие цирковых ристаний, то место, где был он положен; при этом они в погребальных песнопениях так поминали его подвиги: «Великий король гуннов Аттила, рожденный от отца своего Мундзука, господин сильнейших племен! Ты, который с неслышанным дотоле могуществом один овладел скифским и германским царствами, который захватом городов поверг в ужас обе империи римского мира и, – дабы не было отдано» (Иордан, 2002, с. 214-219).

Что касается этнографического материала, то некоторые рудименты членовредительства в день смерти и при выносе тела покойного из юрты – спускание крови путем царапания лица женщинами, наблюдались до XIX века у казахов.

Процесс погребение умершего – как кульминация культово-обрядовой практики древних берелцев. Погребение умершего является кульминацией всех ритуально-обрядовых действий, направленных на отправку умершего в мир иной. Археологический материал позволяет лишь отчасти реконструировать последовательность реализации этой кульминации: здесь опять-таки необходим комплексный подход.

Общая схема развития событий была, возможно, проста, логику ее развития можно представить примерно так (хотя, нельзя исключить, что древние могли руководствоваться совершенно иными принципами, чем мы предполагаем):

- прибытие кортежа с телом покойного к месту погребения;
- помещение тела умершего на специальный постамент;
- различные траурно-торжественные мистерии, жертвоприношения;
- обряд посвящения коня, который мог включить демонстрацию полностью снаряженных животных, в том числе в ритуальных масках, увенчанных моделями рогов горного козла, оленя и др.
- опускание тело умершего в погребальную камеру и церемония положения его в колоду, установленной в срубе-каркасе, у его южной стенки;
- закрытие крыши колоды;
- покрытие колоды войлочным ковром;
- установление деревянного столика внутри сруба для регламентированной пищи, в виде крестца лошади и овцы, а также ножа и деревянной чашки с ручкой;
- установление глиняного кувшина с жидкой пищей;
- церемония размещения различных вещей и предметов атрибутики внутри сруба;
- различные обряды «очищения» внутри сруба и погребальной камеры;
- закрытие крыши сруба;
- покрытие сруба берестяными полотнищами, вперемежку с ветками курильского чая;
- процедура умерщвления коней сопровождения в парадном снаряжении, скорей всего, вне могильной ямы;
- ритуал умерщвления коней (в парадно-погребальном снаряжении, но, возможно, без них) ударом по лобной части железным чеканом и способ погружение убитых(или живых, но спутанных) животных в могильную яму;
- помещение коней между северной стенкой сруба и стенкой могильной ямы, т.е. создание «конского отсека» по определенному порядку;

- покрытие листьями бересты конского отсека;
- сооружение деревянного навеса с накатом над срубом с колодой и конским отсеком (зафиксировано в двух или трех случаях);
- заполнение могильной ямы по определенной последовательности камнями попеременно с грунтом до верхнего края могильной ямы;
- сооружение вокруг могильной ямы каменной платформы в виде концентрических колец из мощных блоков метаморфизированного сланца;
- послойное наращивание наземного сооружения кургана;
- обкладка некрупными речными камнями наземного сооружения кургана («панцирное покрытие»);
- создание жертвенных кругов, дорожек и иных внекурганных сооружений.

Ясно, что все перечисленные процедуры осуществлялись здесь в той или иной последовательности.

Погребением умершего лидера занималась, надо полагать, специальная распорядительная группа, состоявшая из старейшин, наследников, сильных и ловких воинов, мастеров и других, руководимая Верховным жрецом (или шаманом).

Эти церемонии типологически могут быть сопоставимы с похоронами VIP в наше время. Похороны знатных персон кочевого общества, которые были рангом ниже, чем «цари» (вожди племен, полководцы, верховные жрецы, принцы крови, а также женщины), проходили, надо полагать, несколько скромнее, но в рамках общепринятых норм и правил.

Ритуал мог предусмотреть процедуру положения умершего в колоду непосредственно на поверхности земли, возле могильной ямы и внешнего круга-ограждения вокруг нее, при стечении большого количества участников церемонии и проведение различных обрядовых действий, связанных с отправкой его в путешествие (плавание) в иной мир. В таком случае тяжелую колоду из цельного ствола лиственницы (сотни кг), с телом покойного устроителя должны были спустить в глубокую яму, используя специальные рычаги и с помощью арканов, пропущенный через отверстия проушин на торцах. Могли применить для спуска наклонные брусья и дополнительные арканы.

Другой, более вероятный вариант - колода заранее установлена внутри сруба-каркаса, у его южной стенки, а тело умершего человека в полном погребально-церемониальном облачении опускали в могильную яму каким-то способом, затем совершали обряд «положения в колоду» на спине, головой ориентировали в сторону восхода солнца. Под голову покойника подложили тщательно обработанную деревянную подушку в кожаном или войлочном чехле (с аппликациями). Это характерно для большинства курганов Береля, исследованных нами в 1998-2017 гг.

Затем закрывали крышу колоды, закрепив ее углы четырьмя бронзовыми гвоздями со шляпками, а если «царское» захоронение – гвоздями, увенчанными фигурами фантастических или хищных птиц (курганы № 1 и 11). Здесь очевидно то, что, эти «гвозди» обладали универсальным классификационным значением; кроме утилитарной функции, они использовались как «знаки социальных отношений» (Байбурин 1993, С.9). Проблемы социальной стратификации общества мы рассмотрим в другой работе.

Затем должны быть завершены работы по закрытию сруба и оформлению обстановки в «конском отсеке».

Сама процедура закрытия крыши колоды, куда было положено тело покойного также можно квалифицировать как особо важный эпизод в системе обрядовых действий при погребении усопшего.

Фото 10. Курган № 36.
Сопроводительное захоронение коня

Конь сопогребенный в кургане № 36 в погребально-культурной системе берельцев занимает особое место как по подбору образов и оформления роговых украшений снаряжения, так и способу размещения внутри могильной ямы за стеной комбинированной погребальной камеры из трехвенцового сруба, колоды и подобия каменного ящика-цисты. Он был полностью обложен (как бы замурован) некрупными камнями (Фото 10).

В этом состоит специфика формирования «конского отсека» в этом кургане.

Учитывая, что лошадь играла исключительно важную роль в погребально-культурной практике у носителей пазырыкской культуры, можно констатировать существование у них многоступенчатого (многоэтапного) ритуала (подбор одномастных жеребцов, изготовление специального снаряжения для погребения, включая головные маски с рогами животных, посвящения и умерщвления, помещение на дне могильной ямы в определенном порядке и т.д.), связанного с этим животным (Рисунки 5, 6).

О культе коня и его роли в погребальной практике написано очень много научных трудов, они широко известны, поэтому нет необходимости их воспроизводить в данной работе. Заметим лишь, что захоронения коней в полном снаряжении, иногда в головных масках, зафиксированные в берелских курганах, равно, как и в других памятниках пазырыкской культурной общности, не связаны с концепцией жертвоприношения (в некоторой степени, посвящением), а предназначены, как верно, на наш взгляд, полагают некоторые исследователи, для «доставки» и сопровождения умершего в иной мир, т.е. выполняли, в своей основе, некую коммуникативную функцию (Нестеров 1990, С.79-81; Илюшин 2003. С.47; Прохорова 2002, С.69; см. также: Дубровский, Юрченко 2000, С.187-190). Естественно, сопроводительное конское захоронение, особенно в большом количестве и в невероятно роскошно оформленном погребально-парадном (ритуальном) снаряжении, не может ограничиться одной лишь коммуникативной функцией, их семиотическое, в частности, семантическое значение гораздо насыщеннее и сложнее. Конь в погребально-поминальной ритуалистике пазырыкцев занимает, по своей значимости, по-видимому, следующее место, после самого хозяина.

Возвращаясь к кургану №36 отметим, что после этого здесь производилась аккуратная укладка длинных поперечных камней-брусков над срубом и обкладка их по краям камнями средних размеров и так наращивали заполнение могильной ямы до самого верхнего края, т.е. до древней дневной поверхности. Затем осуществляется последовательное возведение видимой наземной части сооружения, в основе которого, как отмечено выше, находилась платформа из крупных камней в виде концентрических кругов.

Заключительным актом перед грандиозной тризной являлась, по-видимому, обкладка, т.е. панцирное покрытие из речных камней всего наземного сооружения и этим самым осуществляется своего рода закрытие канала доступа из трансцендентального пространства в мир живых. С другой стороны, это можно рассматривать как завершение моделирования мифологических координат космоса.

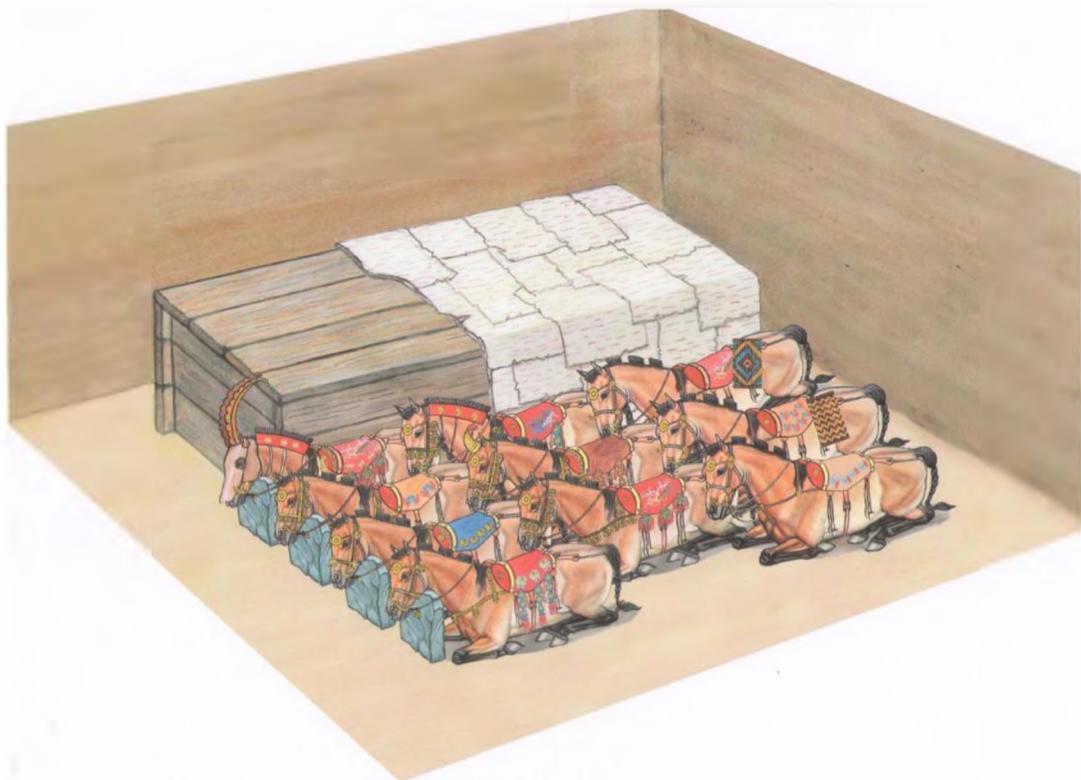

Рисунок 5. Курган №10. Сопроводительное захоронение коней

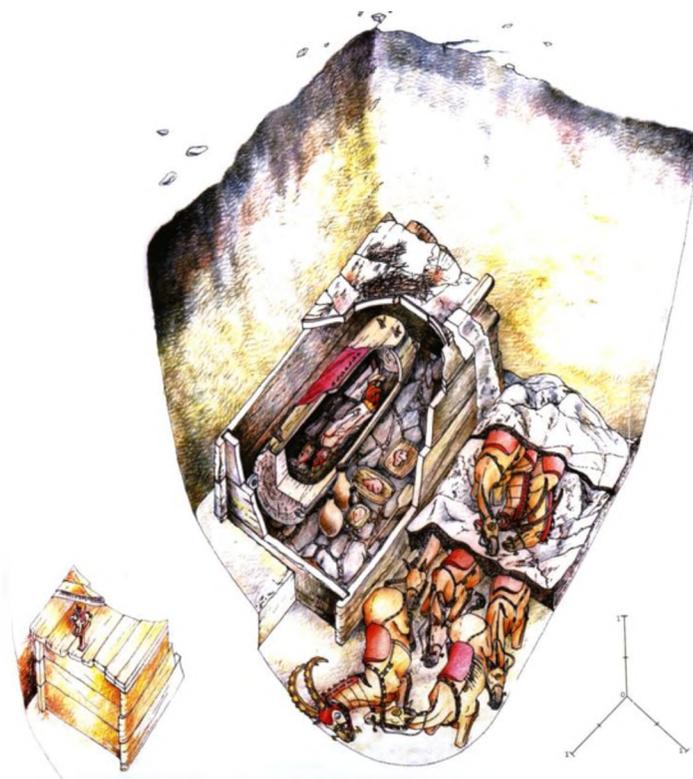

Рисунок 6. Курган № 11. Двухъярусное захоронение коней

Общение с «миром покойного» дальше может происходить на совершенно ином мифологизированном пространственно-временном срезе, посредством особых периодических и ритуализированных действий, а также актами жертвоприношений.

Итак, на этой фазе, путем многочисленных процедур и затрат возводится наземное сооружение кургана над могильной ямой, которое осмысливалось в мифологическом сознании как некое воспроизведение структуры макрокосма в горизонтальной (круг со вписанным прямоугольником-могилей, соотносенной сторонами света) и вертикальной (могильная яма, закрытая круглой каменной «насыпью», ограниченной круглой крепидой (которая «ограждает и укрепляет насыпь» – Каменецкий 1986, С.185) с вертикальными облицовочными плитами-«лепестками», в сочетании воспринимается как «жилище»; оппозиция верх – низ и т.д.) проекциях. Примерно так воспринимаются различные виды погребально-поминальных сооружений различных эпох, разбросанных в обширном поясе Евразийских степей (Лелеков 1972, С.129-130; Боковенко 1988, С.71-72; Итина, Яблонский 2001, С.109; Мартынов, Герман 2001, С.92-97; Семенов 2002, С.207-232; Берестнев 2005, С.97-115; Лесман 1985, С.54-56 и др.).

Есть также предположение об использовании древними многоступенчатого обряда, когда погребальная камера с телом покойного оставалась в открытом состоянии на какое-то время (Савинов 1996, С.108, 109). Некоторую типологическую близость к таким явлениям можно обнаружить при сопоставлении их с так называемыми вторичными погребениями, практиковавшихся у разных народов Евразии вплоть до этнографического времени. Происхождение этого обряда исследователи объясняют как причинами идеологического характера, так и сезонными циклами природы (Зайцева 2001, С.98). Заметим, что исследователями, изучающими такого рода явления, было введено в научный оборот понятие «двухстадийная погребальная обрядность» (Бакшеев, Смирнов 2010, С.60-61).

Не отрицая существования в древности такого обряда в принципе, следует признать, что методика поиска археологически фиксируемых признаков подобного рода явлений у нас еще недостаточно выработана.

Постпохоронные действия: жертвоприношения, тризна и другие особо значимые для социума действия, направленные на его гармонизацию. После заключительных актов похорон наступает время совершения всевозможных постпохоронных жертвоприношений и археологически не фиксируемых действий религиозно-идеологического характера. Материализованными свидетельствами различного рода действий на этой фазе могут быть признаны различные внекурганные сооружения, вплотную примыкающие к каменным курганам (круглые в плане оградки-выкладки, каменные дорожки и др.), которые становятся, на завершающей стадии совершения ритуала, неотъемлемыми элементами всего комплекса (Сорокин 1981, С.37; Фролов 1996, С.43-44). Они сооружены как точки для совершения различного рода жертвоприношений после (или в процессе) погребения тела умершего, обряда «очищения», а в архаических представлениях могли восприниматься как некие «спутники-созвездия» вокруг основного (погребального) сооружения, воспринимаемого как модель троичной системы мироздания. Следовательно, они также обладают особой семиотикой и наделены сакральной функцией.

Через определенный цикл времени поминальные мероприятия, связанные с образом умершего проводились, как об этом сообщают древние авторы, но, видимо, не столь пышно и обширно.

Одним из таких археологически слабо фиксируемых обрядов является, описанный еще Геродотом (IV, 72), обряд вывешивание шкуры коня с конечностями на курганах предков. Естественно, сама процедура вывешивание шкуры коня на столбах или на шестах сопровождалось различными обрядовыми действиями.

Данный обряд, как явствует из рассказа Геродота, скифы совершали на кургане через год, после погребения царя. Такой обряд зафиксирован у средневековых тюрков А. ибн Фадланом.

Алтайские тюрки заимствовали этот древний раннекочевнический обычай (Ажигали 2002, С.418-419), по-видимому, через хунну, но без человеческих жертвоприношений.

Этнографически обряд вывешивания шкуры коня с конечностями на могилах умерших предков зафиксирован, например, у казахской диаспоры в Афганистане в 70-е годы XX века (Д. Энтони); он известен у алтайцев и некоторых других народов Сибири.

Во время годовых поминок(ас) казахи в недавнем прошлом устраивали конные скачки, снимали различные запреты по отношению к вдове и дочерей, отпускали на волю (или закалывали) любимого коня, у которого отрезали хвост на седьмой день смерти хозяина, раздавали одежду покойного, ломали и сжигали копье с флагом и совершали другие обряды поминального цикла, т.е. происходит «ликвидация» всех элементов (материальных и нематериальных) «организации пространства смерти» и тем самым происходит символическое закрытие каналов коммуникации между умершим и социумом (Дубровский 2007, С.15-16).

Апогеем системы проводимых ритуально-обрядовых церемоний, в случае, если усопший являлся персоной, наделенной реальными властными полномочиями (вождем, царем), может стать церемония провозглашения новой владыки. Только после этих двух событий может наступить долгожданная гармония, нарушенная смертью прежде значимой для всего социума персоны.

Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

1. Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). - Алматы: Научно-издательский Центр «Ғылым», 2002. - 654 с.
2. Акатаев С.Н. Мировоззренческий синкретизм казахов (Истоки народной мысли). Вып. I. - Алматы: Институт повышения квалификации, 1993. - 153 с.
3. Акатай С.Н. Древние культы и традиционная культура казахского народа. - Алматы: Print Express, 2011. - 424 с.
4. Акатай С.Н. Күн мен келеңке. Ғылыми-танымдық аңсар. Тарихи материалдар. - Алматы: Print Express, 2011. - 424 б.
5. Акишев К.А. Социальная структура сакского общества в VI-IV вв // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. - Алматы, 1993. - С. 45-58.
6. Акишев К.А., Акишев А.К. К интерпретации символики иссыкского погребального обряда // Культура и искусство древнего Хорезма. - М., 1981. - С. 144-153.
7. Акишев К.А., Хабдулина М.К. Семиотика планиграфии культовых памятников Восточной Евразии // История и археология Семиречья. Вып.3. - Алматы, 2007. - С. 74-79.
8. Акишев К.А. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (Vв. до н.э. - Vв. н.э.) // Труды Центрального музея: музейное дело, археология, история, источниковедение, антропология и этнология, фольклористика. Выпуск II. - Алматы, 2009. - С.79-140.
9. Алексеев А.Ю., Бокоренко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., Плихт Й., Семенцев А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. - СПб.: Теза, 2005.- 290 с., 173 илл.
10. Алекшин В.А. Традиции и инновации в погребальных обрядах (эпоха первобытнообщинного строя) // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Материалы методологического

- семинара ленинградского отделения Института археологии. - Л., 1981. - С.18-22.
11. Алекшин В.А. Погребальные обряды древних народов Евразии как источник по реконструкции представлений о смерти // Религиозные представления в первобытном обществе. Тезисы докладов научной конференции. - М., 1987. - С. 14-16.
12. Алкин С.В. Сожжение в погребальной практике древних культур Северо-Восточного Китая // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: археология и этнография. № 3. – Новосибирск, 1995. - С. 37-44.
13. Альбедиль М.Ф. Ритуал в пространстве традиционной культуры // Теория и методы архаики: 1. Стратиграфия культуры; II. Что такое архаика: Материалы теоретического семинара. Вып. 3. - СПб.: МАЭ РАН, СПбГУ, 2003. - С. 16-23.
14. Андросов А.В. Архитектура скифских курганов Украины: традиции и инновации // Тезисы докладов областной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 90-летию проф. Б. Н. Гракова. - Т. 1. - Запорожье, 1989. - С.9-11.
15. Алтынсарин Ы. Орынбор ведомствосы қазақтарының өлген адамды жерлеу және оған ас беру дәстүрінің очеркі // Алтынсарин Ы. Таңдамалы шығармалары. – Алматы: Ғылым, 1994. – Б. 158–162.
16. Арғынбаев Х. А. Қазақ халқындағы семья мен неке (тарихи этнографиялық шолу). – Алматы: Ғылым, 1973. 107 б.
17. Байбурин А.К. Семиотический статус вещей в мифологии // Сборник Музея антропологии и этнографии. XXXVII. Материальная культура и мифология. – Л., 1981. - С. 215- 226.
18. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983. - 191 с.
19. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточно-славянских обрядов. - СПб: Наука, 1993. - 253 с.
20. Байбурин А.К. Проблемы изучения прагматики в архаической культуре // Знания и навыки Уральского населения в древности и средневековье. Сборник научных трудов. - Екатеринбург, 1993. - С. 3-15.
21. Бакшеев Е.С., Смирнов Ю.А. Двухстадийная погребальная обрядность Окинавы как археологическая и историко-культурная реальность // КСИА. Вып. 224. – М., 2010. - С. 60 – 76.
22. Беленицкий А.М. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и Евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. № 154. Ранние кочевники. – М., 1978. - С. 31-39.
23. Берестнев С.И. К проблеме курганов и курганной проблеме // Древности. № 5. – Харьков, 2005. – С. 97-115.
24. Берсенева Н.А. Пространственные аспекты погребальной практики саргатской культуры // Человек в пространстве древних культур. Материалы Всероссийской научной конференции. – Челябинск: Музей-заповедник «Аркаим», 2003. – С. 106–108.
25. Бернштам Т.А. Плач в его отношении к жизни и смерти (восточнославянская традиция и балтийские параллели) // Конференция Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. Тезисы докладов. – М., 1985. – С. 12-14.
26. Боковенко Н.А. Проблемы генезиса погребального обряда раннекочевнической знати Центральной Азии // Элитные курганы степной Евразии в скифо-сарматскую эпоху (Материалы заседаний «круглого стола» 22-24 декабря 1994г, Санкт-Петербург) – СПб., 1994. – С. 41-44.
27. Брагинская Н.В. Дистих и структура погребального плача // Конференция Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. Тезисы докладов. – М., 1985. – С. 14-17.
28. Бунятян Е.П. Погребальный обряд рядовых скифов Херсонщины (по материалам Краснознаменной экспедиции) // Курганы Южной Херсонщины. - Киев, 1977. - С. 129-138.
29. Ван де Керхове Р., Гуссен Р., Эбель А.Б., Юркова Н.А. Исследование влияния понижения температуры на замороженные погребения на Алтае // Мир Евразии. - 2010. - № 4(10). Октябрь-декабрь. – С. 65-70.
30. Винокуров Н.И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии (Сборник статей). Вып. 3. – М., 2004. – С. 55-87.
31. Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов // Советская археология. – 1952. - №16. - С. 163-205.
32. Галанина Л.К. О критериях выделения «царских» курганов раннескифской эпохи // Элитные курганы степной Евразии в скифо-сарматскую эпоху (Материалы заседаний «круглого стола» 22-24 декабря 1994г, Санкт-Петербург). – СПб., 1994. – С.76-81.
33. Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // Вопросы археологии Урала. Выпуск 13. – Свердловск, 1975. – С. 42-72.
34. Геннеп Арнольд ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. - М.: Восточная Лит., 2002. – 198 с.
35. Геродот. История. Перевод и комментарий Г.А. Стратановского. - М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест,

2004. - 436 с.

36. Горбунов А. П., Самашев З., Северский Э.В. Сокровища мерзлых курганов Казахского Алтая (по материалам могильника Берел). – Алматы: ТОО Иль-Тех-Кітап, 2005. – 114 с.
37. Грач А.Д. Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя (по курганным материалам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии) // Социальная история народов Азии. - М., 1975. - С.158-182.
38. Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. – Л.: Из-во ГЭ, 1950. – 92 с.
39. Грязнов М. П. Аржан царский курган раннескифского времени. - Л.: Наука, 1980. - 63 с., + ил.
40. Гуляев В.И., Ольховский В.С. Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. Сборник статей. – М., 1999. – С. 10-18.
41. Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Элита в социальном пространстве кочевого общества (теоретический и методологический аспекты) // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Коллективная монография. – Барнаул, 2015. – С. 11-25.
42. Дашковский П.К., Тишкин А.А. Структурно-аналитическое изучение погребальных памятников Горного Алтая скифской эпохи // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т.1. – Донецк, 2002. – С. 233-242.
43. Дворников Э.П. Из истории бальзамирования умерших в погребальном обряде с древнейших времен до современности // Мир Евразии. – 2009. – № 2(5). Апрель-июнь. – С. 11-17.
44. Дворников Э.П. Погребальный обряд: теория, структуры, этапы // Мир Евразии. – 2010. - № 2(9). Апрель-июнь. – С. 30-34.
45. Диваев А. А. Древнекиргизские похоронные обычаи // ИОИАЭ. – 1897–1898 г. – Т. XIV. Вып. 2. – С. 45–79.
46. Добролюбский А.О. К проблеме изучения идеологии в погребальной обрядности // Религиозные представления в первобытном обществе. Тезисы докладов научной конференции. - М., 1987. - С. 27-30.
47. Дубровский Д.В., Юрченко А.Г. Жертвенный конь и концепт пути в погребальном обряде кочевников Центральной Азии // Святотопос: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции, Санкт-Петербург, 14-17 ноября 2000г. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 187-190.
48. Дубровский Д.В. Пространственные характеристики погребального обряда тюркоязычных кочевников Центральной Азии (конец XIX – нач. XX): Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07 00 07- этнография, этнология, антропология). – Санкт-Петербург, 2007. – 23 с.
49. Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л.: Наука, 1975. – 164 с.
50. Железчиков Б.Ф., Барбарунова З.А. Погребальный обряд сарматской культуры как объект комплексного исследования формально-статистическими методами // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара). Часть II. – Новочеркасск, 1993. – С.51-58, 176.
51. Зайцева О.В. Вторичные погребения: проблемы изучения и интеграции // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск, 2001. – С. 96-98.
52. Зданович Д.Г. «Жертвоприношение»: опыт комплексного подхода к одному из локусов культуры // Человек в пространстве древних культур. Материалы всероссийской научной конференции (20-25 августа 2003 года, Аркаим). – Челябинск, 2003. – С.45-50.
53. Иванов Вяч.Вс. Предисловие // «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд»: Тезисы докладов конференции. – М., 1985. – С.3-4.
54. Иванова С.В. Погребальная обрядность: дискурсивно-мировоззренческий аспект // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Т.1. – Донецк, 2002. – С. 45-52.
55. Илюшин А.М. Ритуал захоронения коней как этнографо-археологический источник // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 2003. – С. 47-50.
56. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискаена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 295 с.: ил.
57. Каменецкий И.С. Код для описания погребального обряда. Ч.1 // Древности Дона. – М., 1983. – С. 221-250.
58. Каменецкий И.С. Код для описания погребального обряда. Ч.2 // Археологические работы на новостройках. Древности Северного Кавказа (Материалы работ Северокавказской экспедиции). Выпуск 1. - М., 1986. - С.136-194.
59. Каменецкий И.С. О бальзамировании умерших царей у скифов // Историко-археологический альманах. Т.1. – Армавир-Москва, 1995. – С. 69-76.

60. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть II. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул: Из-во Алт. ун-та, 2003. – 234 с.
61. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 643 с.
62. Коновалов А.В. Живые и покойный в традиционной обрядности казахов // Жизнь. Смерть. Бессмертие. Материалы научной конференции, проведенной в декабре 1993 года в г. Санкт-Петербурге Государственным музеем истории религии. – СПб, 1993. – С. 35-37.
63. Корневский С.Н. Феномен Больших Майкопских курганов: социально-трудовой и культовые аспекты строительства // КСИА. Вып. 224. – М., 2010. – С.149-170.
64. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с. + Табл. (80 с.).
65. Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура). – М., 1977. – С.28-52.
66. Курочкин Г.Н. Гипотетическая реконструкция погребального обряда скифских царей VIII-VII вв. до н.э. и курган Аржан (К проблеме происхождения скифов) // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства», 14-17 ноября 1979 г. – Кемерово, 1979. – С. 22-25.
67. Кызласов И. Л. Мировоззренческая основа погребального обряда // Российская археология. – 1993. – №1. – С. 98- 111.
68. Лагуткина Е.В. Изучение погребальных памятников в археологии: подходы и методы исследования // КСИА. Вып. 224. – М., 2010. – С. 19-32.
69. Лесман Ю.М. Погребальный ритуал и погребальные сооружения (К осмыслению археологического материала Восточной Европы второй половины - первой половины тыс. н. э // Конференция Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. Тезисы докладов. – М., 1985. – С.54-56.
70. Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. – М.: Вост. литература, 2008. – 365 с.: илл.
71. Мартынов А. И., Герман П. В. Сакральная архитектура кургана (проектное моделирование в древности // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул, 2001. – С. 92-97.
72. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). – Л.: Наука, 1976. – 192 с.
73. Массон В.М. Развитие элитарных структур как прогрессивный феномен скифской эпохи // Элитные курганы Степной Евразии в скифо-сарматскую эпоху материалы заседаний «круглого стола» 22-24 декабря 1994г. – Санкт-Петербург, 1994. – С.1-8.
74. Мацына А.И. Архаическое восприятие смерти и проблема осмысления древней погребальной ритуалистики // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: Сборник научных трудов. – Барнаул, 2004. – С. 72-76.
75. Мацына А.И. Смерть как онтологическая категория // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Челябинск, 2006. – 26 с.
76. Мельник В.И. Характер смерти и погребальный обряд // Религиозные представления в первобытном обществе. Тезисы докладов научной конференции. – М., 1987. – С. 39-40.
77. Мельник В.И. Погребальный обычай и погребальный памятник // Российская археология. 1993. – №1. – С. 94-97.
78. Мионов В.С. Особенности погребальных комплексов пазырыкской культуры в долине реки Эдиган и на сопредельных территориях // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Выпуск 2. Горизонты Евразии. Сборник научных статей. – Новосибирск, 1999. – С. 35-41.
79. Мифология смерти: структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: Этнографические очерки. – СПб, 2007. – 279 с.
80. Молодин В. И. Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Археология, этнография и антропология Евразии. №4 (4). – Новосибирск, 2000. – С. 131-142.
81. Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Замершие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). – Москва: ИД Триумф принт, 2012. – 565 с.: илл.
82. Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск: Из-во СО РАН, 1990.
83. Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. – М.: Наука, 1985. – 209 с.
84. Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н. э.). – М.: Наука, 1991. – 256 с.
85. Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // Российская археология. – 1993. – №1. – С.78-93.
86. Ольховский В.С. К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие// Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – М., 1999.

– С. 114–136.

87. Плотников В.Н. Поминки (Ас). Этнографический очерк из быта Зауральских киргизов // ЗООРГО. Вып. 1. – Оренбург, 1870. – С. 137-150
88. Полидович Ю.Ю. Скифский обряд очищения // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сборник статей. Вып. I. – Барнаул, 2007. – С. 44-57.
89. Полосьмак Н.В. Изображение рыбы в искусстве пазырыкской культуры // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб, 1992. – С.134-138.
90. Прохорова Т.А. «Посвящение коня покойнику» // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 8-го археологического семинара, Краснодар, 13-15 июня 2001г.). – Краснодар, 2002. – С. 68-73.
91. Путешествие ибн Фадлана на Волгу. / Перевод и комментарий под редакцией академика И.Ю. Крачковского. – М.:Л.:Изд-во АН СССР, 1939. – 193 с.
92. Ролле Р., Махортых С., Грицюк В. Некоторые наблюдения из практики курганного строительства в окрестностях бельского городища // Ранній залі зний вік Евразії: до 100-річчя від дня народження Олексія Івановича Тереножкина. – Київ-Чигирин, 2007. – С. 122-123.
93. Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. – М.-Л.: Наука, 1952. – 268 с.
94. Савинов Д.Г. Об обряде погребения Больших пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы международной конференции. – СПб., 1996. – С.107-111.
95. Самашев З., Мыльников В. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая. – Алматы: ОФ «Берел», 2004. – 240 с.
96. Самашев З.С., Бородовский А. П. Роговые украшения конской узда и упряжи из Берельского некрополя // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3(19). – С. 82–87.
97. Самашев З. Берел. – Алматы: Таймас, 2011. – 236 с.
98. Семенов Вл.А. Курган Аржан – просранственная модель мира ранних скифов Центральной Азии // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Т.1. – Донецк, 2002. – С. 207-232.
99. Смагулов Е.М. Қазақтың ас беру дәстүрі: элеуметтік-саяси қызметі (XVIII–XIX ғғ. деректері бойынша) // Тарих ғылымдарының кандидаты ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертацияның авторефераты. – Алматы, 2007. – 28 б.
100. Семенова В.И. Археолого-этнографическое моделирование погребального обряда в структурно-семиотическом аспекте // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2006. – № 7. – С.120-130.
101. Семенова В.И. Мифология мира мертвых (по мифологическим и археологическим источникам Западной Сибири). – Тюмень: Из-во ИПОС СО РАН, 2008. – 213 с.
102. Сибирский сборник-I:Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. - Книга 2. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – 226 с.
103. Смирнов Ю.А. Мустьерские погребения Евразии. Возникновение погребальной практики и основы тафологии. – М.: Наука, 1991. – 341 с., илл.
104. Смирнов Ю. А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. – М.: Восточная литература, 1997. – 279 с. – илл., табл.
105. Смирнов Ю.А. Книга мертвых: Свет и Тьма в конце тоннеля. – М.: «Таус», 2011. – 104 с.
106. Сорокин С.С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Т.Х. – Л., 1969. – С. 208-236.
107. Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // Археологический сборник. – № 22. – Л., 1981. – С.23-39.
108. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1988. – 216 с.
109. Суразаков А.С. Погребальный обряд пазырыкцев // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С. 71-74.
110. Суразаков А.С. Философия пазырыкцев: представление о первооснове мира // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Вып. № 2. – Горно-Алтайск, 2005. – С. 29-35.
111. Сысов В.М. Символизация перехода умершего в мир предков в Восточнославянской погребальной обрядности // Жизнь. Смерть. Бессмертие. Материалы научной конференции, проведенной в декабре 1993 года в г. Санкт-Петербурге Государственным музеем истории религии. – СПб., 1993. – С. 28-29.
112. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Из-во Алтайского университета, 2003. – 430 с.
113. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX-начало XX в.). – Алма-Ата: Ғылым, 1991. – 214 с.
114. Толеубаев А.Т. Архитектура наземной конструкции кургана № 1 группы Шиликты-3 // Толеубаев А.Т. Проблемы эпохи бронзы и раннего железного века Казахстана. Избранные труды и статьи. – Т.1.

- Алматы, 2013. – С.139- 144.
115. Топоров В.Н. К проблеме реконструкции индоевропейского похоронного обряда // Конференция Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. Тезисы докладов. – М., 1985. – С. 89-95.
116. Тульпе И.А., Хршановский В. А. Погребально-поминальная обрядность как религиоведческий источник (по материалам археологических раскопок некрополей малых городов европейского Боспора) // Труды Государственного музея истории религии. Выпуск 4. – СПб., 2004. – С. 239-253.
117. Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. – М.: Наука, 2002. – 307 с.
118. Фролов А.А. О сакральных функциях курганной насыпи // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. Тезисы докладов тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 23-26 апреля 1996г. – СПб., 1996. – С.43-44.
119. Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. - II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). - Барнаул: Азбука, 2008. - 479 с.
120. Хршановский В.А. Жизнь без смерти (Реконструкция архаических представлений о смерти по материалам некрополей Боспора) // Жизнь. Смерть. Бессмертие. Материалы научной конференции. – СПб., 1993. – С.14-16.
121. Черников С.С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». – М.: Наука, 1965. – 192 с.
122. Чернопицкий И.П. Планировочные композиции курганных ансамблей ранних кочевников // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства», 14-17 ноября 1979 г. – Кемерово, 1979. – С. 25-27.
123. Чернопицкий М.П. К динамике экосоциальных систем степи (курганные магистрали и перспективы палеокартографического моделирования древних обществ) // Проблемы археологии Степной Евразии. Тезисы докладов. Часть I. – Кемерово, 1987. – С. 49-52.
124. Чистяков В.А. Представления о дороге в загробный мир в русских похоронах и причитаниях XIX – XX вв // Обряды и обрядовый фольклор. – М., 1982. – С. 114-127.
125. Шевченко Ю.Ю. Отношение к смерти как критерий подземного жилья и подземного святилища // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сборник научных трудов. - Омск, 2003. - С. 85-89.
126. Шульга П.И. Архитектура и семантика погребально-поминальных комплексов пазырыкской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. – СПб., 2002. – С.191-195.
127. Щапова Ю.А., Лихтер Ю.А., Сарачева Т.Г., Столярова Е.К. Морфология украшений // Морфология древности. – Выпуск 4. – М.: КДУ, 2007. – 102 с. : ил.
128. Яблонский Л.Т. Элитарная субкультура ранних кочевников Южного Приуралья и механизмы формирования раннесарматской культуры // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: коллективная монография. – Барнаул, 2015. – С. 11-25.
129. Ullrich H. Patters of skeletal representation, manipulations on Human corpses and Bones, Mortuary practices and the Question of cannibalism in the European Paleolithic – an anthropological approach // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Сборник статей. – М., 2004. – С.24-40.

Reference

- Azhigali 2002 – Azhigali, SE 2002, *Arhitektura kochevnikov – fenomen istorii i kul'tury Evrazii (pamyatniki Aralo-Kaspijskogo regiona)*, Nauchno-izdatel'skij Centr «Gylm», Almaty, 654 s. (Azhigali, SE 2002, *The architecture of nomads – the phenomenon of the history and culture of Eurasia (monuments of the Aral-Caspian region)*, the Scientific and Publishing Center «Gylm», Almaty, 654 p). (in Rus).
- Akataev 1993 – Akataev, SN 1993, *Mirovozzrencheskij sinkretizm kazahov (Istoki narodnoj mysli)*, Vyp. I, Institut povysheniya kvalifikacii, Almaty, 1993, 153 s. (Akataev, SN 1993, *World outlook syncretism of Kazakhs (Origins of the People's Thought)*, Vol. And, the Institute for Advanced Studies, Almaty, 1993, 153 p). (in Rus).
- Akataj 2011 – Akataj, SN 2011, *Drevnie kul'ty i tradicionnaya kul'tura kazahskogo naroda*, PrintExpress, Almaty, 424 s. (Akataj, SN 2011, *Ancient cults and traditional culture of the Kazakh people*, PrintExpress, Almaty, 424 p). (in Rus).
- Akataj 2011 – Akataj, SN 2011, *Kun men kolenke. Gylymi-tanymdyk ansar. Tarihi materialdar*, Print Express, Almaty, 424 b. (Akataj, SN 2011, *Sun and shade. Scientific and cognitive hunter. Historical materials*, Print Express, Almaty, 424 p). (in Kaz).
- Akishev 1993 – Akishev, KA 1993, *Social'naya struktura saksokogo obshchestva v VI-IV vv, Arheologicheskie pamyatniki na Velikom Shelkovom puti*, Almaty, S. 45-58. (Akishev, KA 1993, *Social structure of the Saka society in the VI-IV centuries, Archaeological monuments on the Great Silk Road*, Almaty, P. 45-58). (in Rus).

- Akischev, Akischev 1981 – Akischev, KA, Akischev, AK 1981, *K interpretacii simboliki issyjskogo pogrebal'nogo obryada, Kul'tura i iskusstvo drevnego Horezma*, Moskva, S.144-153. (Akischev, KA, Akischev, AK 1981, *To the interpretation of the symbolism of the Issyk funeral rite, Kul'tura and the art of ancient Khorezm*, Moscow, P.144-153). (in Rus).
- Akischev, Habdulina 2007 – Akischev, KA, Habdulina, MK 2007, *Semiotika planigrafii kul'tovyh pamyatnikov Vostochnoj Evrazii, Istorija i arheologiya Semirech'ya*, Vyp.3, Almaty, S.74-79. (Akischev, KA, Habdulina, MK 2007, *Semiotics of the planning of kul'tovyh monuments of Eastern Eurasia, History and archeology of Semirech'y*, Issue 3, Almaty, P. 74-79). (in Rus).
- Akischev 2009 – Akischev, KA 2009, *EHkonomika i obshchestvennyj stroj YUzhnogo Kazahstana i Severnoj Kirgizii v ehposu sakov i usunej* (Vv. do n.eh. – Vv. n.eh), *Trudy Central'nogo muzeya: muzejnoe delo, arheologiya, istoriya, istochnikovedenie, antropologiya i ehtnologiya, fol'kloristika*, Vypusk II, Almaty, S.79-140. (Akischev, KA 2009, *economics and social structure of Southern Kazakhstan and Northern Kyrgyzstan in the era of the Saks and Usuns*, (Vv. bc- Vv. ad), the works of the Central Museum: museum business, archeology, history, source study, anthropology and ehtnology, folklore studies, Issue of AI, Almaty, P.79-140). (in Rus).
- Alekseev, Bokovenko, Vasil'ev 2005 – Alekseev, AYu, Bokovenko NA, Vasil'ev, SS, Dergachev, VA, Zajceva GI, Kovalyuh, NN, Kuk, G, Pliht, J, Semencev, AA, Skott, EM, CHugunov, KV 2005, *Evraziya v skifskuyu ehposu. Radiouglerodnaya i arheologicheskaya hronologiya*, Teza, SPb, 290 s., 173 ill. (Alekseev, AYu, Bokovenko NA, Vasil'ev, SS, Dergachev, VA, Zajceva GI, Kovalyuh, NN, Kuk, G, Pliht, J, Semencev, AA, Skott, EM, CHugunov, KV 2005, *Eurasia in the Scythian era. Radiocarbon and archeological chronology*, Thesa, St. Petersburg, 290 p., 173). (in Rus).
- Alekshin 1981 – Alekshin, VA 1981, *Tradicii i innovacii v pogrebal'nyh obryadah (ehpoha pervobytnoobshchinnogo stroya), Preemstvennost' i innovacii v razvitii drevnih kul'tur. Materialy metodologicheskogo seminarina leningradskogo otdeleniya Instituta arheologii*, Leningrad, S.18-22. (Alekshin, VA 1981, *Traditions and innovations in funeral rites (the era of the primitive communal system), Continuity and innovation in the development of ancient cultures. Materials of the methodological seminar of the Leningrad Branch of the Institute of Archeology*, Leningrad, P.18-22). (in Rus).
- Alekshin 1987 – Alekshin, VA 1987, *Pogrebal'nye obryady drevnih narodov Evrazii kak istochnik po rekonstrukcii predstavlenij o smerti, Religioznye predstavleniya v pervobytnom obshchestve. Tezisy dokladov nauchnoj konferencii*, Moskva, S. 14-16. (Alekshin, VA 1987, *Funeral ceremonies of ancient peoples of Eurasia as a source for reconstruction of ideas about death, Religious representations in primitive society. Abstracts of the scientific conference*, Moscow, P. 14-16). (in Rus).
- Alkin 1995 – Alkin, SV 1995, *Sozhzhenie v pogrebal'noj praktike drevnih kul'tur Severo-Vostochnogo Kitaya, Gumanitarnye nauki v Sibiri. Seriya: arheologiya i ehtnografiya*, № 3, Novosibirsk, S.37-44. (Alkin, SV 1995, *Burning in the burial practice of the ancient cultures of Northeast China, The Humanities in Siberia. Series: archeology and ethnography*, № 3, Novosibirsk, P. 37-44). (in Rus).
- Al'bedil' 2003 - Al'bedil', MF 2003, *Ritual v prostranstve tradicionnoj kul'tury, Teoriya i metody arhaiki: 1. Stratigrafiya kul'tury; II. CHto takoe arhaika: Materialy teoreticheskogo seminarina*, Vyp.3, MAEH RAN, SPb, SPbGU, S. 16-23. (Al'bedil', MF 2003, *Ritual in the space of traditional culture, Archaic theory and methods: 1. Stratigraphy of culture; II. What is the archaic: Materials of the theoretical seminar*, Issue 3, MAE RAS, SPb, SPbGU, P. 16-23). (in Rus).
- Androsov 1989 – Androsov, AV 1989, *Arhitektura skifskih kurganov Ukrainy: tradicii i innovacii, Tezisy dokladov oblastnoj konferencii «Problemy skifo-samatskoj arheologii Severnogo Prichernomor'ya», posvyashchennoj 90-Jetiyu prof. B.N. Grakova*, T.1, Zaporozh'e, S.9-11. (Androsov, AV 1989, *Architecture of Scythian mounds of Ukraine: traditions and innovations, Abstracts of the reports of the regional conference «Problems of Scythian-Sarmatian archeology of the Northern Black Sea Region», dedicated to the 90th anniversary of prof. BN Grakova*, T. 1, Zaporozh'e, P.9-11). (in Rus).
- Altynsarin 1994 – Altynsarin, Y 1994, *Orynbor vedomstvovsy kazaktarynynolgen adamdyzherleu zhane ogan as beru dastyrinin ocherki, Altynsarin Y. Tandamaly shygamalary*, Gylm, Almaty, S.158–162. (Altynsarin, Y 1994, *An article by the Orenburg Office on the burial of the dead and their feeding, Altynsarin. Selected Works*, Gylm, Almaty, P.158–162). (in Kaz).
- Argynbaev 1973 - Argynbaev, HA 1973, *Kazak halkyndagy sem'ya men neke (tarihi ehtnografiyalyk sholu)*, Gylm, Almaty, 107b. (Argynbaev, HA 1973, *Families and Families in Families (Historical Ethnographic Review)*, Gylm, Almaty, 107 p). (in Kaz).
- Bajburin 1981 – Bajburin, AK 1981, *Semioticheskij status veshchey v mifologii, Sbornik Muzeya antropologi i ehtnografii. XXXVII. Material'naya kul'tura i mifologiya*, Leningrad, S.215-226. (Bajburin, AK 1981, *Semiotic status of things in mythology, Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. XXXVI. Material culture and mythology*, Leningrad, P. 215-226).

(in Rus).

- Bajburin 1993 – Bajburin, AK 1993, *Zhilishche v obryadah i predstavleniyah vostochnykh slavyan*, Nauka, Leningrad, 191 s. (Bajburin, AK 1993, *Dwelling in rites and representations of the Eastern Slavs*, Nauka, Leningrad, 191 p). (in Rus).
- Bajburin 1993 – Bajburin, AK 1993, *Ritual v tradiconnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavyanskikh obryadov*, Nauka, Sankt-Petereburg, 253 s. (Bajburin, AK 1993, *Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of the Eastern Slavic rites*, Nauka, Sankt-Petereburg, 253 p). (in Rus).
- Bajburin 1993 – Bajburin, AK 1993, Problemy izucheniya pragmatiki v arhaicheskoy kul'ture, *Znaniya i navyki Ural'skogo naseleniya v drevnosti i srednevekov'e. Sbornik nauchnykh trudov*, Ekaterinburg, S. 3-15. (Bajburin, AK 1993, Problems of studying pragmatics in archaic culture, Knowledge and skills of the Urals population in antiquity and the Middle Ages. Collection of scientific papers, Ekaterinburg, P. 3-15). (in Rus).
- Baksheev, Smirnov 2010 – Baksheev, ES, Smirnov, YUA2010, Dvuhstadijnaya pogrebal'naya obyadnost' Okinavy kak arheologicheskaya i istoriko-kul'turnaya real'nost', *Kratkie soobsheniya instituta arheology*, Vyp.224, M., S.60-76. (Baksheev, ES, Smirnov, YUA2010, Two-stage funeral rites of Okinawa as an archaeological and historical-cultural reality, Brief communications of the Institute of Archeology, Issue 224, M., P.60-76.). (in Rus).
- Belenickij 1978 – Belenickij, AM 1978, Kon' v kul'tah i ideologicheskikh predstavleniyah narodov Srednej Azii i Evrazijskikh stepej v drevnosti i rannem srednevekov'e, *Kratkie soobsheniya instituta arheology*, № 154. *Rannie kochevniki*, Moskva, S.31-39. (Belenickij, AM 1978, A horse in the cults and ideological representations of the peoples of Central Asia and the Eurasian steppes in antiquity and the early Middle Ages, Brief Communications of the Institute of Archeology, No. 154. Early nomads, Moscow, P.31-39). (in Rus).
- Berestnev 2005 – Berestnev, SI 2005, K probleme kurganov i kurgannoj probleme, *Drevnosti. № 5*, Har'kov, S.97-115. (Berestnev, SI 2005, To the problem of mounds and the Kurgan problem, Antiquities. № 5, Har'kov, P.97-115). (in Rus).
- Berseneva 2003 – Berseneva, NA 2003, Prostranstvennye aspekty pogrebal'noj praktiki sargatskoj kul'tury, *Chelovek v prostranstve drevnih kul'tur. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, Muzej-zapovednik «Arkaim», Chelyabinsk*, S. 106–108. (Berseneva, NA 2003, Spatial aspects of the burial practice of the Sargatian culture, Man in the space of ancient cultures. Materials of the All-Russian Scientific Conference, Museum-Reserve «Arkaim», Chelyabinsk, P. 106–108). (in Rus).
- Bernshtam 1985 – Bernshtam, TA 1985, Plach v ego otnoshenii k zhizni i smerti (vostochnoslavyanskaya tradiciya i baltijskie paralleli), *Konferenciya Balto-slavyanskije etnokul'turnye i arheologicheskie drevnosti. Pogrebal'nyj obryad. Tezisy dokladov*, Moskva, S.12-14. (Bernshtam, TA 1985, Crying in his attitude to life and death (East Slavic tradition and Baltic parallels), Conference Balto-Slavic ethno-cultural and archaeological antiquities. Funeral rite. Theses of reports, Moscow, P.12-14). (in Rus).
- Bokovenko 1994 – Bokovenko, NA 1994, Problemy genezisa pogrebal'nogo obryada rannekochevničeskoj znati Central'noj Azii, *Ehilitnye kurgany stepnoj Evrazii v skifo-samatskuyu ehposu (Materialy zasedanij «kruglogo stola» 22-24 dekabrya 1994g, Sankt-Peterburg)*, Sankt-Peterburg, S.41-44. (Bokovenko NA 1994, The problems of the genesis of the funeral rite of the early nomadic nobility of Central Asia, the elite barrows of the steppe Eurasia in the Scythian-Sarmatian era (Materials of the round table meetings on 22-24 December 1994, Sankt-Peterburg), Sankt-Peterburg, P. 41-44). (in Rus).
- Braginskaya 1985 – Braginskaya, NV 1985, Distih i struktura pogrebal'nogo placha, *Konferenciya Balto-slavyanskije etnokul'turnye i arheologicheskie drevnosti. Pogrebal'nyj obryad. Tezisy dokladov*, Moskva, S.14-17. (Braginskaya, NV 1985, Distich and structure of burial crying, Conference Balto-Slavic ethnocultural and archaeological antiquities. Funeral rite. Theses of reports, Moscow, P. 14-17). (in Rus).
- Bunyatyan 1977 – Bunyatyan, EP 1977, Pogrebal'nyj obryad ryadovykh skifov Hersonshchiny (po materialam Krasnoznamenskoj ehkspedicii), *Kurgany YUzhnoj Hersonshchiny*, Kiev, S.129-138. (Bunyatyan, EP 1977, Funeral rite of ordinary Scythians of Kherson region (based on the materials of the Krasnoznamensk expedition), *Mounds of Southern Kherson*, Kiev, P.129-138). (in Rus).
- CHernikov 1965 – Chernikov, SS 1965, *Zagadka zolotogo kurgana. Gde i kogda zarodilos' «skifskoe iskusstvo»*, Nauka, Moskva, 192 s. (Chemikov, SS 1965, *Riddle of the Golden Mound. Where and when the "Scythian art" was born*, Nauka, Moscow, 192 p). (in Rus).
- CHernopickij 1979 – Chernopickij, IP 1979, Planirovochnye kompozicii kurgannykh ansamblej rannih kochevnikov, *Tezisy dokladov Vsesoyuznoj arheologicheskoy konferencii «Problemy skifo-sibirskogo kul'turno-istoricheskogo edinstva», 14-17 noyabrya 1979 g, Kemerovo*, S.25-27. (Chernopickij, IP 1979, Planning compositions of Kurgan ensembles of early nomads, *Abstracts of the All-Union Archaeological Conference "Problems of the Scythian-Siberian Cultural and Historical Unity"*, November 14-17, 1979, Kemerovo, P.25-27). (in Rus).

- СЧернопикий 1987 – Chernopickij, MP 1987, K dinamike ehkosocial'nyh sistem stepi (kurgannye magistrali i perspektivy paleokartograficheskogo modelirovaniya drevnih obshchestv), *Problemy arheologii Steпноj Evrazii. Tezisy dokladov. CHast' I*, Kemerovo, S.49-52. (Chernopickij, MP 1987, To the dynamics of ecosocial systems of the steppe (barrow roads and prospects of paleocardiographic modeling of ancient societies), *Problems of archeology of Steppe Eurasia. Theses of reports*, Part I, Kemerovo, P.49-52). (in Rus).
- СЧистяков 1982 – Chistyakov, VA 1982, Predstavleniya o doroge v zagrobnij mir v russkih pohoronah i prichitanijah XIX–XX vv, *Obyady i obryadovyy fol'klor*, Moskva, S.114-127. (Chistyakov, VA 1982, *Representations about the road to the afterlife in Russian funerals and lamentations of the 19th-20th centuries, Rituals and ritual folklore*, Moscow, P.114-127). (in Rus).
- Dashkovskij, Mejkshan 2015 – Dashkovskij, PK, Mejkshan, IA 2015, Ehlita v social'nom prostranstve kochevogo obshchestva (teoreticheskij i metodologicheskij aspekt), *Ehlita v istorii drevnih i srednevekovyh narodov Evrazii. Kollektivnaya monografiya*, Barnaul, S. 11-25. (Dashkovskij, PK, Mejkshan, IA 2015, Elite in the social space of the nomadic society (theoretical and methodological aspects), *Elite in the history of ancient and medieval peoples of Eurasia. Collective monograph*, Barnaul, P. 11-25). (in Rus).
- Dashkovskij, Tishkin 2002 – Dashkovskij, PK, Tishkin, AA 2002, Strukturno-analiticheskoe izuchenie pogrebal'nyh pamyatnikov Gornogo Altaya skifskoj ehpoi, *Struktumo-semioticheskie issledovaniya v arheologii*, T.1, Doneck, S.233-242. (Dashkovskij, PK, Tishkin, AA 2002, Structural and analytical study of funerary monuments of the Mountainous Altai of the Scythian epoch, *Structural-semiotic studies in archeology*, T.1, Doneck, P.233-242). (in Rus).
- Dvornikov 2009 – Dvornikov, EHP 2009, Iz istorii bal'zamirovaniya umersnih v pogrebal'nom obryade s drevnejshih vremen do sovremennosti, *Mir Evrazii*, № 2(5), Aprel'-iyun', S.11-17. (Dvornikov, EHP 2009, From the history of embalming the dead in a funeral rite from ancient times to the present, *The World of Eurasia*, No.2 (5), April-June, P.11-17). (in Rus).
- Dvornikov 2010 – Dvornikov, EHP 2010, Pogrebal'nyj obryad: teoriya, struktury, ehtapy, *Mir Evrazii*, № 2(9), Aprel'-iyun', S.30-34. (Dvornikov, EHP 2010, Funeral rite: theory, structures, stages, *Mir Evrazii*, № 2(9), April-iyun', P.30-34). (in Rus).
- Divaeв 1897-1898 – Divaeв, AA 1897-1898, Drevnekirgizskie pohoronnye obychai, *IOAIEH, T.XIV, Vyp. 2.*, Kazan', S.45-79. (Divaeв, AA 1897-1898, Drevnekirgizskie pohoronnye obychai, *IOAIEH, T.XIV, Issue 2*, Kazan', P.45-79). (in Rus).
- Dobrolyubskij 1987 – Dobrolyubskij, AO 1987, K probleme izucheniya ideologii v pogrebal'noj obryadnosti, *Religioznye predstavleniya v pervobytnom obshchestve. Tezisy dokladov nauchnoj konferencii*, Moskva, S.27-30. (Dobrolyubskij, AO 1987, To the problem of studying ideology in funeral rites, *Religious views in primitive society. Abstracts of scientific conferences*, Moscow, P.27-30). (in Rus).
- Dubrovskij, YUrchenko 2000 – Dubrovskij, DV, YUrchenko, AG 2000, Zhertvennyj kon' i koncept puti v pogrebal'nom obryade kochevnikov Central'noj Azii, *Svyatilischa: arheologiya rituala i voprosy semantiki. Materialy tematicheskoy nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 14-17 noyabrya 2000g*, Sankt-Peterburg, S. 187-190. (Dubrovskij, DV, YUrchenko, AG 2000, Sacrificial horse and the concept of the path in the funeral rites of nomads of Central Asia, *Sanctuaries: the archeology of the ritual and questions of semantics. Materials of the thematic scientific conference, St. Petersburg, November 14-17, 2000*, Sankt-Peterburg, P.187-190). (in Rus).
- Dubrovskij 2007 – Dubrovskij, DV 2007, *Prostranstvennye karakteristiki pogrebal'nogo obryada tyurkoyazychnyh kochevnikov Central'noj Azii (konec XIX – nach. XX): Avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk po special'nosti 07 00 07 - ehtnografiya, ehtnologiya, antropologiya*, Sankt- Peterburg, 23 s. (Dubrovskij, DV 2007, *Spatial characteristics of the burial rite of the Turkic-speaking nomads of Central Asia (the end of the XIX - the beginning of XX): The abstract for the degree of candidate of historical sciences in specialty 07 00 07 - ethnography, enology, anthropology*, Sankt- Peterburg, 23 p). (in Rus).
- D'yakonova 1975 – D'yakonova, VP 1975, *Pogrebal'nyj obryad tuvincev kak istoriko-ehtnograficheskij istochnik*, Nauka, Leningrad, 164 s. (D'yakonova, VP 1975, *The burial rite of the Tuvinians as a historical and ethnographic source*, Nauka, Leningrad, 164 p). (in Rus).
- Fiel'strup 2002 – Fiel'strup, FA 2002, *Iz obryadovoj zhizni kirgizov nachala XX veka*, Nauka, Moskva, 307 s. (Fiel'strup, FA 2002, *From the ritual life of the Kirghiz of the early twentieth century*, Nauka, Moscow, 307 p). (in Rus).
- Frolov 1996 – Frolov, AA 1996, O sakral'nyh funkciyah kurgannoj nasypi, *Kurgan: istoriko-kul'turnye issledovaniya i rekonstrukcii. Tezisy dokladov tematicheskoy nauchnoj konferencii. Sankt-Peterburg, 23-26 aprelya 1996g*, Sankt-Peterburg, S.43-44. (Frolov, AA 1996, On the sacral functions of the mound, Kurgan: historical and cultural research and reconstruction. Theses of reports of the thematic scientific conference. St. Petersburg, April 23-26, 1996, Sankt-Peterburg, P.43-44). (in Rus).
- Frolov 2008 – Frolov, YaV 2008, *Pogrebal'nyj obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n.eh. - II v. n.eh. (po dannym gruntovyh mogil'nikov)*, Azbuka, Barnaul, 479 p. (Frolov, YaV 2008, *Fu-*

- neral rite of the population of Barnaul Ob region in the VI. BC. - II in. AD (according to soil burial grounds), Azbuka, Barnaul, 479 p). (in Rus).
- Galanina 1994 - Galanina, LK 1994, O kriteriyah vydeleniya «carskih» kurganov ranneskifskoj ehpori, *Ehilitnye kurgany stepnoj Evrazii v skifo-samatskuyu ehporu (Materialy zasedanij «kruglogo stola» 22-24 dekabrya 1994g, Sankt-Peterburg)*, Sankt-Peterburg, S.76-81. (Galanina, LK 1994, On the criteria for singling out the "royal" burial mounds of the Early Scythian epoch, *Elite Barrows of the Steppe Eurasia in the Scythian-Sarmatian Age (Materials of the "round table" meetings December 22-24, 1994, Sankt-Peterburg)*, Sankt-Peterburg, P.76-81). (in Rus).
- Gening, Borzunov 1975 – Gening, VF, Borzunov, VA 1975, Metodika statisticheskoy harakteristiki i sravnitel'nogo analiza pogrebal'nogo obyada, *Voprosy arheologii Urala*, Vypusk 13, Sverdlovsk, S.42-72. (Gening, VF, Borzunov, VA 1975, *The technique of statistical characterization and comparative analysis of the funeral rite, Questions of Archeology of the Urals, Issue 13, Sverdlovsk*, P.42-72). (in Rus).
- Gennep 2002 – Gennep, A 2002, *Obryady perekhoda: Sistematicheskoe izuchenie obyadov*, Vostochnaya Literatura, Moskva, 198 s. (Gennep, A 2002, *Rites of Transition: Systematic Study of Rites*, Vostochnaya Literatura, Moscow, 198 p). (in Rus).
- Gerodot 2004 – Gerodot 2004, *Istoriya. Perevod i kommentarij G.A. Stratanovskogo*, OLMA PRESS Invest, Moskva, 436 s. (Gerodot 2004, *History. Translation and commentary GA. Stratanovsky*, OLMA PRESS Invest, Moscow, 436 p). (in Rus).
- Gorbunov, Samashev, Severskij 2005 – Gorbunov, AP, Samashev, Z, Severskij, EHV 2005, *Sokrovishcha merzlyh kurganov Kazahskogo Altaya (po materialam mogil'nika Berel)*, TOO II'-Tekh-Kitap, Almaty, 114 s. (Gorbunov, AP, Samashev, Z, Severskij, EHV 2005, *Treasures of frozen mounds of the Kazakh Altai (based on the materials of the Burial Cemetery)*, TOO II'-Tekh-Kitap, Almaty, 114 p). (in Rus).
- Grach 1975 – Grach, AD 1975, Principy i metodika istoriko-arheologicheskoy rekonstrukcii form social'nogo stroya (po kurgannym materialam skifskogo vremeni Kazahstana, Sibiri i Central'noj Azii), *Social'naya istoriya narodov Azii*, Moskva, S.158-182. (Grach, AD 1975, Principles and methods of historical and archaeological reconstruction of the forms of the social system (on Kurgan materials of the Scythian time of Kazakhstan, Siberia and Central Asia), *Social History of the Peoples of Asia*, Moscow, P.158-182). (in Rus).
- Gryaznov 1950 – Gryaznov, MP 1950, *Pervyj Pazyrykskij kurgan*, Iz-vo GEH, Leningrad, 92 s. (Gryaznov, MP 1950, *The first Pazyryk mound*, State Ermitage PH, Leningrad, 92 p). (in Rus).
- Gryaznov 1980 – Gryaznov, MP 1980, *Arzhan carskij kurgan ranneskifskogo vremeni*, Nauka, Leningrad, 63 s. (Gryaznov, MP 1980, *Arzhan is a royal burial mound of early Scythian time*, Nauka, Leningrad, 63 p.). (in Rus).
- Gulyaev, Ol'hovskij 1999 – Gulyaev, VI, Ol'hovskij, VS 1999, Pogrebal'nye pamyatniki i pogrebal'naya obyadnost': problemy analiza i interpretacii, *Pogrebal'nyj obyad: rekonstrukciya i interpretaciya drevnih ideologicheskikh predstavlenij. Sbornik statej*, Moskva, S.10-18. (Gulyaev, VI, Ol'hovskij, VS 1999, Funeral monuments and funerary rites: problems of analysis and interpretation, *Funeral rite: reconstruction and interpretation of ancient ideological ideas. Digest of articles*, Moscow, P.10-18). (in Rus).
- Hrshanovskij 1993 – Hrshanovskij, VA 1993, ZHizn' bez smerti (Rekonstrukciya arhaicheskikh predstavlenij o smerti po materialam nekropolej Bospora), in: *ZHizn'. Smert'. Bessmertie. Materialy nauchnoj konferencii*, Sankt-Peterburg, S.14-16. (Hrshanovskij, VA 1993, ZHizn' bez smerti (Reconstruction of archaic ideas of death on the materials of the necropolises of the Bosphorus), in: *Life. Death. Immortality. Materials of the scientific conference*, Sankt-Peterburg, P.14-16). (in Rus).
- Ivanov 1985 – Ivanov, VV 1985, Predislovie, «Balto-slavyanskie ehtnokul'turnye i arheologicheskie drevnosti. Pogrebal'nyj obyad»: Tezisy dokladov konferencii, Moskva, S.3-4. (Ivanov, VV 1985, Foreword, «Balto-Slavic ethnocultural and archaeological antiquities. Funeral ceremony»: Abstracts of the conference, Moscow, P.3-4). (in Rus).
- Ivanova 2002 – Ivanova, SV 2002, Pogrebal'naya obyadnost': diskursivno-mirovozzrencheskij aspekt, *Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arheologii*, T.1, Doneck, S. 45-52. (Ivanova, SV 2002, Funeral ritual: discursive-world outlook aspect, *Structural-semiotic studies in archeology*, T.1, Doneck, P. 45-52). (in Rus).
- Ilyushin 2003 – Ilyushin, AM 2003, Ritual zahoroneniya konej kak ehtnografo-arheologicheskij istochnik, *Integraciya arheologicheskikh i ehtnograficheskikh issledovanij*, Omsk, S.47-50. (Ilyushin, AM 2003, The rite of the burial of horses as an ethnographic and archaeological source, the integration of archaeological and ethnographic research, Omsk, P.47-50). (in Rus).
- Itina, YAblonskij 2001 – Itina, MA, YAblonskij, LT 2001, *Mavzolei Severnogo Tagiskena. Pozdnij bronzovyj vek Nizhnej Syrdar'i*, Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, Moskva, 295 s. (Itina, MA, YAblonskij, LT 2001, *Mausoleums of Northern Tagisken. The late Bronze Age of the*

- Lower Syr Darya, the Publishing Firm «Vostochnaya literatura» RAS, Moscow, 295 p). (in Rus).*
- Kameneckij 1983 – Kamenecki, IS 1983, Drevnosti Dona, in: Kamenecki, IS 1983, *Kod dlya opisaniya pogrebal'nogo obryada*, Moskva, S.221-250. (Kamenecki, IS 1983, Antiquities of the Don, in: Kamenetsky, IS 1983, *Code for the description of funeral rites*, Moscow, P.221-250). (in Rus).
- Kameneckij 1986 – Kameneckij, IS 1986, Arheologicheskie raboty na novostrojках. Drevnosti Severnogo Kavkaza (Materialy rabot Severokavkazskoj ehkspedicii), *Kod dlya opisaniya pogrebal'nogo obryada*, Vypusk 1, Moskva, S.136-194.(Kameneckij, IS 1986, Archaeological work on new buildings. Antiquities of the North Caucasus (Materials of the North Caucasian Expedition), Code for Description of the Funeral Rite, Issue 1, Moscow, P.136-194). (in Rus).
- Kameneckij 1995 - Kameneckij, IS 1995, O bal'zamirovanii umersnih carej u skifov, *Istoriko-arheologicheskij al'manah*, T.1, Armavir-Moskva, S.69-76. (Kameneckij, IS 1995, On the embalming of the deceased kings of the Scythians, Historical and archaeological almanac, T.1, Armavir-Moscow, P.69-76). (in Rus).
- Kiryushin, Stepanova, Tishkin 2003 – Kiryushin, YUF, Stepanova, NF, Tishkin, AA 2003, *Skifskaya ehphoha Gornogo Altaya. CHast' II. Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы pazyryksoj kul'tury*, Iz-vo Alt. un-ta, Barnaul, 234 s. (Kiryushin, YUF, Stepanova, NF, Tishkin, AA 2003, *Scythian era of the Altai Mountains. Part of Al. Funeral and memorial complexes of Pazyryk culture*, Publishing House of Altai University, Barnaul, 234 p). (in Rus).
- Kiselev 1951 – Kiselev, SV 1951, *Drevnyaya istoriya YUzhnoj Sibiri*, Izd-vo AN SSSR, Moskva, 643 s. (Kiselev, SV 1951, *Ancient History of Southern Siberia*, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, 643 p). (in Rus).
- Konovalov 1993 – Konovalov, AV 1993 ZHivye i pokojnyj v tradicionnoj obryadnosti kazahov, *ZHizn'. Smert'. Bessmertie. Materialy nauchnoj konferencii, provedennoj v dekabre 1993 goda v g. Sankt-Peterburge Gosudarstvennym muzeem istorii religii*, Sankt-Peterburg, S.35-37. (Konovalov, AV 1993, Live and deceased in the traditional ritual of the Kazakhs, *Life. Death. Immortality. Materials of the scientific conference held in December 1993 in St. Petersburg by the State Museum of the History of Religion*, Sankt-Peterburg, P.35-37). (in Rus).
- Korenevskij 2010 – Korenevskij, SN 2010, Fenomen Bol'shij Majkopskih kurganov. social'no-trudovoj i kul'tovye aspekty stroitel'stva, *Kratkie soobshenia Instituta arheologii*, Vyp.224, Moskva, S.149-170. (Korenevskij, SN 2010, Phenomenon of the Great Maykop Barrows: Social and Labor Aspects of Construction, Brief Communications of the Institute of Archeology, Issue 224, Moscow, P.149-170). (in Rus).
- Kubarev 1991 – Kubarev, VD 1991, *Kurgany YUstyda*, Nauka, Novosibirsk, 190 s. (Kubarev, VD 1991, Barrows of Yustyd, Nauka, Novosibirsk, 190 p). (in Rus).
- Kuz'mina 1977 – Kuz'mina, EE 1977, Rasprostranenie konevodstva i kul'ta konya u iranoyazychnyh plemen Srednej Azii i drugih narodov Starogo Sveta, *Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e (Istoriya i kul'tura)*, Moskva, S.28-52. (Kuz'mina, EE 1977, The spread of horse breeding and horse cult in the Iranian-speaking tribes of Central Asia and other peoples of the Old World, Central Asia in antiquity and the Middle Ages (History and Culture), Moscow, P.28-52). (in Rus).
- Kurochkin 1979 – Kurochkin, GN 1979, Gipoteticheskaya rekonstrukciya pogrebal'nogo obryada skifskih carej VIII-VII vv. do n.eh. i kurgan Arzhan (K probleme proiskhozhdenie skifov), *Tezisy dokladov Vsesoyuznoj konferencii «Problemy skifo-sibirskogo kul'tumo-istoricheskogo edinstva»*, 14-17 noyabrya 1979 g, Kemerovo, S.22-25.(Kurochkin, GN 1979, Hypothetical reconstruction of the burial rite of Scythian kings VIII-VIII centuries. BC. and the mound Arzhan (To the problem the origin of the Scythians), Theses of the reports of the All-Union Conference «Problems of the Scythian-Siberian Cultural and Historical History», November 14-17, 1979 y, Kemerovo, P.22-25). (in Rus).
- Kyzlasov 1993 – Kyzlasov, IL 1993, Mirovozzrencheskaya osnova pogrebal'nogo obryada, *Rossijskaya arheologiya*, №1, S.98-111.(Kyzlasov, IL 1993, World outlook basis of funeral rite, *Russian archeology*, №1, P.98-111). (in Rus).
- Lagutkina 2010 – Lagutkina, EV 2010, Izuchenie pogrebal'nyh pamyatnikov v arheologii: podhody i metody issledovaniya, *Kratkie soobsheniya Instituta Arheologii*, Vyp.224, Moskva, S.19-32. (Lagutkina, EV 2010, Study of funerary monuments in archeology: approaches and methods of research, *Brief Communications of the Institute of Archeology*, Issue 224, Moscow, P.19-32). (in Rus).
- Lesman 1985 – Lesman, YuM 1985, Pogrebal'nyj ritual i pogrebal'nye sooruzheniya (K osmysleniyu arheologicheskogo materiala Vostochnoj Evropy vtoroj poloviny - pervoj poloviny tys. n. eh, *Konferenciya Balto-slavyanskije ehthnokul'tumye i arheologicheskie drevnosti. Pogrebal'nyj obryad. Tezisy dokladov*, Moskva, S.54-56.(Lesman, YuM 1985, Funeral ritual and funeral constructions (To the comprehension of the archaeological material of Eastern Europe of the second half - the first half of the thousandth AD, the *Conference Balto-Slavic ethno-cultural and archaeological antiquities. The funeral rite*, Moscow, P.54-56). (in Rus).
- Malashev, YAblonskij 2008 – Malashev, VYu, YAblonskij, LT 2008, *Stepnoe naselenie YUzhnogo Priural'ya v pozdnesamatskoe vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka 10*, Vostochnaja literatura, Moskva, 365 s. (Malashev, VYu, YAblonskij, LT 2008, *Steppe population of the*

- Southern Urals in the late Sarmatian time: according to the materials of the Pokrovka 10 burial ground*, Vostochnaja literatura, Moscow, 365 p). (in Rus).
- Martynov, German 2001 -Martynov, AI, German, PV 2001, Sakral'naya arhitektura kurgana (proektnoe modelirovanie v drevnosti, *Istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoj Azii*, Barnaul, S.92-97. (Martynov, AI, German, PV 2001, Sacral architecture of the mound (project modeling in antiquity, Historical and cultural heritage of North Asia, Barnaul, P. 92-97). (in Rus).
- Masson 1976 – Masson, VM 1976, *EHkonomika i social'nyj stroj drevnih obshchestv (v svete dannyh arheologii)*, Nauka, Leningrad, 192 s. (Masson, VM 1976, Economics and social structure of ancient societies (in the light of archeological data), Nauka, Leningrad, 192 p). (in Rus).
- Masson 1994 – Masson, VM 1994, Razvitie ehliitnyh struktur kak progressivnyj fenomen zakis'koj ehphoi, *EHlitnye kurgany Stepnoj Evrazii v skifo-samatskuyu ehphou materialy zasedanij «kruglogo stola» 22-24 dekabrya 1994g, Sankt- Peterburg*, S.1-8. (Masson, VM 1994, The development of elite structures as a progressive phenomenon of the Scythian epoch, *Elite Mounds of Steppe Eurasia in the Scythian-Sarmatian Age materials of the "round table" sessions December 22-24, 1994, Sankt- Peterburg*, P.1-8). (in Rus).
- Macyna 2004 – Macyna, AI 2004, Arhaicheskoe vospriyatie smerti i problema osmysleniya drevnej pogrebal'noj ritualistiki, *Kompleksnye issledovaniya drevnih i tradicionnyh obshchestv Evrazii: Sbornik nauchnyh trudov, Barnaul*, S. 72-76. (Macyna, AI 2004, Archaic perception of death and the problem of understanding ancient burial ritualistics, *Comprehensive studies of ancient and traditional societies of Eurasia: Collection of scientific papers, Barnaul*, P. 72-76). (in Rus).
- Macyna 2006 – Macyna, AI 2006, Smert' kak ontologicheskaya kategoriya, *Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk, CHelyabinsk*, 26 s. (Macyna, AI 2006, Death as an ontological category, *the Abstract of a thesis for the degree of Candidate of Philosophy, CHelyabinsk*, 26 p). (in Rus).
- Mel'nik 1987 - Mel'nik, VI 1987, Karakter smerti i pogrebal'nyj obryad, *Religioznye predstavleniya v pervobytnom obshchestve. Tezisy dokladov nauchnoj konferencii*, Moskva, S. 39-40. (Mel'nik, VI 1987, The nature of death and funeral rites, *Religious views in primitive society. Theses of scientific conferences*, Moscow, P. 39-40). (in Rus).
- Mel'nik 1993 - Mel'nik, VI 1993, Pogrebal'nyj obyčaj i pogrebal'nyj pamyatnik, *Rossijskaya arheologiya*, №1, S. 94-97. (Mel'nik, VI 1993, Funeral custom and funerary monument, *Russian archeology*, №1, P. 94-97). (in Rus).
- Mironov 1999 – Mironov, VS 1999, Osobennosti pogrebal'nyh kompleksov pazryrskoj kul'tury v doline reki EHdigan i na sopedel'nyh territoriyah, *Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnih civilizacij. Vypusk 2. Gorizonty Evrazii. Sbornik nauchnyh statej*, Novosibirsk, S.35-41. (Mironov, VS 1999, Features of the burial complexes of Pazyryk culture in the valley of the Edigan River and in adjacent territories, *Eurasia: the cultural heritage of ancient civilizations. Issue 2 Horizons of Eurasia. Collection of scientific articles*, Novosibirsk, P.35-41). (in Rus).
- Mifologiya smerti 2007 – *Mifologiya smerti: struktura, funkciya i semantika pogrebal'nogo obryada narodov Sibiri: EHtnograficheskie ocherki* 2007, Sankt-Peterburg, 279 s. (*Mythology of death: the structure, function and semantics of the burial rite of the peoples of Siberia: Ethnographic essays*, 2007, Sankt-Peterburg, 279 p). (in Rus).
- Molodin 2000 – Molodin, VI 2000, Pazyrykskaya kul'tura: problemy ehtnogeneza, ehnicheskoj istorii i istoricheskikh sudeb, *Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii*, №4 (4), Novosibirsk, S. 131–142. (Molodin, VI 2000, Pazyryk culture: problems of ethnogenesis, ethnic history and historical destinies, *Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, №4 (4), Novosibirsk, P. 131–142). (in Rus).
- Molodin, Parcinger, Cehvehehdorz 2012 – Molodin, VI, Parcinger, G, Cehvehehdorz, D 2012, *Zamershie pogrebal'nye komplekсы pazryrskoj kul'tury na yuzhnyh sklonah Sajlyugema (Mongol'skij Altaj)*, ID Triumf print, Moskva, 565 s. (Molodin, VI, Parcinger, G, Cehvehehdorz, D 2012, *The frozen funerary complexes of Pazyryk culture on the southern slopes of Saylyugem (Mongolian Altai)*, ID Triumf print, Moscow, 565 p). (in Rus).
- Nesterov 1990 – Nesterov, SP 1990, *Kon' v kul'tah tyurkoyazychnyh plemen Central'noj Azii v ehphou srednevekov'ya*, Iz-vo SO RAN, Novosibirsk. (Nesterov, SP 1990, *A horse in the cult of the Turkic-speaking tribes of Central Asia in the Middle Ages, From the SB RAS*, Novosibirsk). (in Rus).
- Nikitina 1985 – Nikitina, GF 1985, *Sistematika pogrebal'nogo obryada plemen chernyahovskoj kul'tury*, Nauka, Moskva, 209 s. (Nikitina, GF 1985, *Systematics of the burial rite of the tribes of the Chernyakhov culture*, Nauka, Moscow, 209 p). (in Rus).
- Ol'hovskij 1991 – Ol'hovskij, VS 1991, *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya stepnoj Skifii (VII-III vv. do n. eh.)*, Nauka, Moskva, 256 s. (Ol'hovskij, VS 1991, *Funeral and commemorative ritual of the population of the steppe Scythia (VII-III centuries BC)*, Nauka, Moscow, 256 p). (in Rus).
- Ol'hovskij 1993 – Ol'hovskij, VS 1993, Pogrebal'naya obryadnost' (soderzhanie i struktura), *Rossijskaya arheologiya*, №1, S.78-93. (Ol'hovskij, VS 1993, Funeral ritual (content and structure), *Russian archeology*, №1, P.78-93). (in Rus).

- Ol'hovskij 1999 – Ol'hovskij, VS 1999, K izucheniyu skifskoj ritualistiki: posmertnoe puteshestvie, *Pogrebal'nyj obryad. Rekonstrukciya i interpretaciya drevnih ideologicheskikh predstavlenij*, Moskva, S. 114–136. (Ol'hovskij, VS 1999, To the study of Scythian ritualistics: posthumous journey, *Funeral rite. Reconstruction and interpretation of ancient ideological ideas*, Moscow, P. 114–136). (in Rus).
- Plotnikov 1870 – Plotnikov, VN 1870, Pominki (As). Ehtnograficheskiy ocherk iz byta Zaural'skikh kirgizov, *ZOORGO*, Vyp.1, Orenburg, S.137–150. (Plotnikov, VN 1870, Pominki (As). Ethnographic essay from the life of the Trans-Urals Kirghiz, *ZOORGO*, Issue 1, Orenburg, P.137–150). (in Rus).
- Polidovich 2007 – Polidovich, YuYu 2007, Skifskij obryad ochishcheniya, *Mirovozzrenie naseleniya YUzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v istoricheskoy retrospektive: sbornik statej*, Vyp. I, Barnaul, S.44–57. (Polidovich, YuYu 2007, Scythian ceremony of purification, *Worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in a historical retrospective: a collection of articles*, Issue I, Barnaul, P.44-57). (in Rus).
- Polos'mak 1992 - Polos'mak, NV 1992, Izobrazhenie ryby v iskusstve pazyrykskoj kultury, *Severnaya Evraziya ot drevnosti do srednevekov'ya. Tezisy konferencii k 90-letiyu so dnya rozhdeniya Mihaila Petrovicha Gryaznova*, Sankt-Peterburg, S.134-138. (Polos'mak, NV 1992, Image of fish in the art of Pazyryk culture, Northern Eurasia from antiquity to the Middle Ages. Abstracts of the conference for the 90th anniversary of the birth of Mikhail Petrovich Gryaznov, Sankt-Peterburg, P.134-138). (in Rus).
- Prohorova 2002 – Prohorova, TA 2002, «Posvyashchenie konya pokojniku», *Antichnaya civilizaciya i varvarkij mir (Materialy 8-go arheologicheskogo seminar, Krasnodar, 13-15 iyunya 2001g.)*, Krasnodar, S.68-73. (Prohorova, TA 2002, «Dedication of the Horse to the Deceased», *Ancient Civilization and the Barbarian World (Materials of the 8th Archaeological Seminar, Krasnodar, June 13-15, 2001)*, Krasnodar, P.68-73). (in Rus).
- Puteshestvie ibn Fadlana 1939 – *Puteshestvie ibn Fadlana na Volgu 1939*, Perevod i kommentarij pod redakcij akademika I.Yu. Krachkovskogo, Izd-vo AN SSSR, Moskva-Leningrad, 193 s. (The Journey of Ibn Fadlan to the Volga in 1939, Translated and Commentary edited by Academician I.Yu. Krachkovsky, Izd-vo AS USSR, Moscow-Leningrad, 193 p). (in Rus).
- Rolle, Mahortyh, Grycyuk 2007 – Rolle, R, Mahortyh, S, Grycyuk, V 2007, Nekotorye nablyudeniya iz praktiki kurgannogo stroitel'stva v okrestnostyah bel'skogo gorodishcha, *Rannij zali znij vik Evrazii: do 100-lichdya vid dnya narozhdennya Olexsiya Ivanovicha Terenozhkina*, Kiiv - CHigirin, S.122-123. (Rolle, R, Mahortyh, S, Grycyuk, V 2007, Some observations from the practice of mound construction in the vicinity of the Bela hillfort, *the Early Bays of the Vicas of Eurasia: up to the 100th anniversary of the birth of Olexsiy Ivanovich Terenozhkin*, Kiiv-CHigirin, P.122-123). (in Rus).
- Rudenko 1952 – Rudenko, SI 1952, *Gornoaltajskie nahodki i skify*, Nauka, Moskva-Leningrad, 268 s. (Rudenko, SI 1952, *Gorno-Altai finds and Scythians*, Nauka, Moscow-Leningrad, 268 p). (in Rus).
- Shevchenko 2003 – Shevchenko, YuYu 2003, Otnoshenie k smerti kak kriterij podzemnogo zhil'ya i podzemnogo svyatilishcha, *Integraciya arheologicheskikh i ehtnograficheskikh issledovanij. Sbornik nauchnyh trudov*, Omsk, S. 85-89. (Shevchenko, YuYu 2003, Attitude towards death as a criterion of underground habitation and underground sanctuary, *Integration of archaeological and ethnographic studies. Collection of scientific papers*, Omsk, P. 85-89). (in Rus).
- SHul'ga 2002 - SHul'ga, PI 2002, Arhitektura i semantika pogrebal'no-pominal'nyh kompleksov pazyrykskoj kultury, *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.P. Gryaznova*, Sankt-Peterburg, S.191-195. (SHul'ga, PI 2002, Architecture and semantics of burial-memorial complexes of Pazyryk culture, *Steppes of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. To the 100th anniversary of the birth of M.P. Gryaznov*, Sankt-Peterburg, P.191-195). (in Rus).
- SHCHapova, Lihter, Saracheva 2007 – SHCHapova, YuA, Lihter, YuA, Saracheva, TG, Stolyarova, EK 2007, Morfologiya ukrashenij, *Morfologiya drevnosti*, Vypusk 4, KDU, Moskva, 102 s. : il. (SHCHapova, YuA, Lihter, YuA, Saracheva, TG, Stolyarova, EK 2007, Morphology of jewelry, *Morphology of antiquity*, Issue 4, KDU, Moscow, 102 p. : il.). (in Rus).
- Savinov 1996 – Savinov, DG 1996, Ob obryade pogrebeniya Bol'shix pazyrykskikh kurganov, *ZHrechestvo i shamanizm v skifskuyu ehphu. Materialy mezhdunarodnoj konferencii*, Sankt-Peterburg, S.107-111. (Savinov, DG 1996, On the rite of the burial of the Great Pazyryk barrows, *Priesthood and shamanism in the Scythian era. Materials of the International Conference*, Sankt-Peterburg, P.107-111). (in Rus).
- Samashev, Myl'nikov 2004 – Samashev, Z, Myl'nikov, V 2004, *Derevoobrabotka u drevnih skotovodov Kazahskogo Altaya*, OF «Berel», Almaty, 240 s. (Samashev, Z, Myl'nikov, V 2004, *Woodworking of the ancient cattlemen of the Kazakh Altai*, OF «Berel», Almaty, 240 p). (in Rus).
- Samashev, Borodovskij 2004 – Samashev, ZS, Borodovskij, AP 2004, Rogovye ukrasheniya konskoj uzdy i upryazhi iz Berel'skogo nekropolisa, *Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii*, №3(19), S.82–87. (Samashev, ZS, Borodovskij, AP 2004, Horn ornaments of horse harness and harness from the Berel necropolis, *Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*,

№3(19), P.82–87). (in Rus).

- Samashev 2011 – Samashev, Z 2011, *Berel*, Tajmas, Almaty, 236 s. (Samashev, Z 2011, *Berel*, Tajmas, Almaty, 236 p). (in Rus).
- Semenov 2002 – Semenov, Vla 2002, Kurgan Arzhan – prosranstvennaya model' mira rannih skifov Central'noj Azii, *Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arheologii*, T.1, Doneck, S.207-232. (Semenov, Vla 2002, The Arzhan mound is a spatial model of the world of the early Scythians of Central Asia, *Structural-semiotic studies in archeology*, T.1, Doneck, P.207-232). (in Rus).
- Smagulov 2007 – Smagulov, EM 2007, Kazaktyn as beru dasturi: aleumettik-sayasi kyzmeti (XVIII–XIX gg. derekteri bojnynsha), *Tarih gylymdarynyn kandidaty gylymi darezhesin alu ushin dajyndalghan dissertatsiyanyn avtoreferaty*, Almaty, 28 b. (Smagulov, EM 2007, Kazakh Rice Preserving: Socio-Political Activity (According to XVIII-XIX), the dissertation author's abstract for obtaining the scientific degree of the candidate of historical sciences, Almaty, 28 b). (in Kaz).
- Semenova 2006 – Semenova, VI 2006, Arheologo-ehtnograficheskoe modelirovanie pogrebal'nogo obryada v strukturno-semioticheskom aspekte, *Vestnik arheologii, antropologii i ehtnografii*, №7, S.120-130. (Semenova, VI 2006, Archaeological and ethnographic modeling of the funeral rite in the structural-semiotic aspect, *the Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, №7, P.120-130). (in Rus).
- Semenova 2008 – Semenova, VI 2008, *Mifologika mira mertvyh (po mifologicheskim i arheologicheskim istochnikam Zapadnoj Sibiri)*, Iz-vo IPOS SO RAN, Tyumen', 213 s. (Semenova, VI 2008, *Mythology of the world of the dead (according to the mythological and archaeological sources of Western Siberia)*, Institute for Problems of Development of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, 213 p). (in Rus).
- Sibirskij sbornik-1 2009 - *Sibirskij sbornik-1: Pogrebal'nyj obryad narodov Sibiri i sopredel'nyh territorij*, Kniga 2, MAEH RAN, Sankt-Peterburg, 226 s. (*Siberian collection-1: Funeral rite of the peoples of Siberia and adjacent territories*, Book 2, MAE RAS, Sankt-Peterburg, 226 p). (in Rus).
- Smirnov 1991 – Smimov, YuA 1991, *Must'erskie pogrebeniya Evrazii. Voznikovenie pogrebal'noj praktiki i osnovy tafologii*, Nauka, Moskva, 341 s., ill. (Smirnov, YuA 1991, *Mousterian burials of Eurasia. The emergence of funeral practice and the basis of tafology*, Nauka, Moscow, 341 p., ill.). (in Rus).
- Smimov 1997 – Smirnov, YUA 1997, *Labirint. Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya*, Vostochnaya literatura, Moskva, 279 s. (Smirnov, YUA 1997, *Labyrinth. Morphology of intentional burial*, Vostochnaya literatura, Moscow, 279 p). (in Rus).
- Smimov 2011 – Smimov, YuA 2011, *Kniga mertvyh: Svet i T'ma v konce tonnelya*, «Taus», Moskva, 104 s. (Smimov, YuA 2011, *The Book of the Dead: Light and Darkness at the End of the Tunnel*, «Taus», Moscow, 104 p). (in Rus).
- Sorokin 1969 – Sorokin, SS 1969, Bol'shoj Berel'skij kurgan (Polnoe izdanie materialov raskopok 1865 i 1959 gg.), *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo EHmitazha*, T.X, Leningrad, S.208-236. (Sorokin, SS 1969, The Great Berelsky Mound (Full edition of the excavation materials of 1865 and 1959), *the Archaeological Collection of the State Hermitage*, T.X, Leningrad, P.208-236). (in Rus).
- Sorokin 1981 – Sorokin, SS 1981, K voprosu o tolkovanii vneburgannyh pamyatnikov rannih kochevnikov Azii, *Arheologicheskij sbornik*, № 22, Leningrad, S.23-39. (Sorokin, SS 1981, On the question of the interpretation of extralegal monuments of the early nomads of Asia, the Archaeological collection, № 22, Leningrad, P.23-39). (in Rus).
- Surazakov 1988 – Surazakov, AS 1988, *Gornyj Altaj i ego severnye predgor'ya v ehphu rannego zheleza. Problemy hronologii i kul'turnogo razgranicheniya*, Gorno-Altajskoe otdelenie Altajskogo knizhnogo izdatel'stva, Gorno-Altajsk, 216 s. (Surazakov, AS 1988, *Mountain Altai and its northern foothills in the outflow of early iron. Problems of chronology and cultural differentiation*, Gorno-Altai Department of the Altai Book Publishers, Gorno-Altajsk, 216 p). (in Rus).
- Surazakov 1994 – Surazakov, AS 1994, Pogrebal'nyj obryad pazyrykcev, *Arheologiya Gornogo Altaya*, Barnaul, S. 71-74. (Surazakov, AS 1994, Funeral ceremony of Pazyryk people, *Archeology of the Mountainous Altai*, Barnaul, P. 71-74). (in Rus).
- Surazakov 2005 – Surazakov, AS 2005, *Filosofiya pazyrykcev: predstavlenie o pervoosnove mira, Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoj Sibiri*, Vyp. № 2, Gorno-Altajsk, S. 29-35. (Surazakov, AS 2005, *Philosophy of Pazyryk people: the idea of the foundation of the world, the study of the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia*, Issue № 2, Gorno-Altajsk, P. 29-35). (in Rus).
- Sysov 1993 – Sysov, VM 1993, Simvolizaciya perekhoda umershego v mir predkov v Vostochnoslavjanskij pogrebal'noj obryadnosti, *Zhizn'. Smert'. Bessmertie. Materialy nauchnoj konferencii, provedennoj v dekabre 1993 goda v g. Sankt-Peterburge Gosudarstvennym muzeem istorii religii*, Sankt-Peterburg, S.28-29. (Sysov, VM 1993, Symbolization of the transition of the deceased into the world of ancestors in the Eastern Slavonic funeral ritual, *Life. Death. Immortality. Materials of the scientific conference held in December 1993 in St. Petersburg by the State Museum of the History of Religion*, Sankt-Peterburg, P. 28-29). (in Rus).
- Tishkin, Dashkovskij 2003 – Tishkin, AA, Dashkovskij, PK 2003, *Social'naya struktura i sistema*

- mirovozzrenij naseleniya Altaya skifskoj ehpoi*, Iz-vo Altajskogo universiteta, Barnaul, 430 s. (Tishkin, AA, Dashkovskij, PK 2003, *The social structure and the system of world views of the Altai population of the Scythian epoch*, Altai University, Barnaul, 430 p). (in Rus).
- Toleubaev 1991 – Toleubaev, AT 1991, *Relikty doislamskih verovanij v semejnoy obryadnosti kazahov (XIX-nachaloXXv.)*, Gylm, Alma-Ata, 214 s. (Toleubaev, AT 1991, *Relics of pre-Islamic beliefs in the family ritual of the Kazakhs (XIX-early XX century.)*, Gylm, Alma-Ata, 214 p). (in Rus).
- Toleubaev 2013 – Toleubaev, AT 2013, Arhitektura nazemnoj konstrukcii kurgana №1 gruppy Shilikty-3, in: Toleubaev, AT 2013 *Problemy ehpoi bronzy i rannego zhelezhnogo veka Kazahstana. Izbrannye trudy i sta'tl, T.1*, Almaty, S.139-144. (Toleubaev, AT 2013, *The architecture of the land structure of the mound No. 1 of the Shilikty-3 group*, in: Toleubaev, AT 2013 *Problems of bronze and early Iron Age of Kazakhstan. Selected works and articles, T.1*, Almaty, P.139-144). (in Rus).
- Toporov 1985 – Toporov, VN 1985, K probleme rekonstrukcii indoevropskogo pohoronnoogo obryada, *Konferenciya Balto-slavyanskije etnokul'tumye i arheologicheskie drevnosti. Pogrebal'nyj obryad. Tezisy dokladov*, Moskva, S. 89-95. (Toporov, VN 1985, *The problem of reconstructing the Indo-European funeral rite, the Conference Balto-Slavic ethno-cultural and archaeological antiquities. Funeral rite. Theses of reports*, Moskva, P. 89-95). (in Rus).
- Tul'pe, Hrshanovskij 2004 – Tul'pe, IA, Hrshanovskij, VA 2004, Pogreb'al'no-pominal'naya obryadnost' kak religiovedcheskij istochnik (po materialam apxeologicheskix paskopoknekkopolej malyx gopodov evpopejskogo Bosropa), *Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii religii*, Vypusk 4, Sankt-Peterburg, S.239-253. (Tul'pe, IA, Hrshanovskij, VA 2004, *Funeral and commemoration rites as a religious source (based on the materials of the apocheological excavations of the necropolises of small cities of the European Bosphorus)*, *Proceedings of the State Museum of the History of Religion*, Issue 4, Sankt-Peterburg, P. 239-253). (in Rus).
- Van de Kerhove, Gussen, EHbel' 2010 - Van de Kerhove, R, Gussen, R, EHbel', AB, Yurkova, NA 2010, Issledovanie vliyaniya ponizheniya temperatury na zamorozhennye pogrebeniya na Altae, *Mir Evrazii*, № 4(10), Oktyabr'-dekabar', S. 65-70. (Van de Kerhove, R, Gussen, R, EHbel', AB, Yurkova, NA 2010, *Investigation of the effect of temperature reduction on frozen burials in the Altai*, *Eurasia World*, No. 4 (10), October-December, P. 65-70). (in Rus).
- Vinokurov 2004 – Vinokurov, NI 2004, Praktika chelovecheskih zhertvoprinoshenij v antichnoe i srednevekovoe vremya (po materialam ritual'nyh zahoronenij Krymskogo Priazov'ya), *OPUS: Mezhdisciplinarnye issledovaniya v arheologii (Sbornik statej)*. Vyp. 3, Moskva, S.55-87. (Vinokurov, NI 2004, *The practice of human sacrifice in the ancient and medieval times (based on the materials of ritual burials of the Crimean Priazovye)*, *OPUS: Interdisciplinary research in archeology (Collected papers)*, Issue 3, Moskva, P.55-87). (in Rus).
- Vitt 1952 – Vitt, VO 1952, Loshadi Pazyrykskih kurganov, *Sovetskaya arheologiya*, №16, S.163-205. (Vitt, VO 1952, *The horses of Pazyryk burial mounds*, *Soviet archeology*, №16, P.163-205). (in Rus).
- Yablonskij 2015 – Yablonskij, LT 2015, EHlitamaya subkul'tura rannih kochevnikov YUzhnogo Priural'ya i mekhanizmy formirovaniya rannesamatskoj kul'tury, *EHLita v istorii drevnih i srednevekovyh narodov Evrazii: kollektivnaya monografiya*, Barnaul, S.11-25. (Yablonskij, LT 2015, *Elite subculture of the early nomads of the Southern Urals and mechanisms for the formation of the Early Sarmatian culture, Elite in the history of ancient and medieval peoples of Eurasia: a collective monograph*, Barnaul, P.11-25). (in Rus).
- Ullrich 2004 – Ullrich, H 2004, Patters of skeletal representation, manipulations on Human corpses and Bones, Mortuary practices and the Question of cannibalism in the European Paleolithic – an anthropological approach, *OPUS: Mezhdisciplinarnye issledovaniya v arheologii. Sbornik statej*, Moskva, S.24-40. (Ullrich, H 2004, *Patters of skeletal representation, manipulations on Human corpses and Bones, Mortuary practices and the Question of cannibalism in the European Paleolithic – an anthropological approach, OPUS: Interdisciplinary research in archeology (Collected papers)*, Moskva, P. 24-40). (in Eng).
- Zhelezchikov, Barbarunova 1993 – Zhelezchikov, BF, Barbarunova, ZA 1993, Pogreb'al'nyj obryad samatskoj kul'tury kak ob'ekt kompleksnogo issledovaniya formal'no-statisticheskimi metodami, *Antichnaya civilizaciya i varvarkij mir (Materialy III-go arheologicheskogo seminar)*. CHast' II, Novoherkassk, S.51-58, 176. (Zhelezchikov, BF, Barbarunova, ZA 1993, *The burial rite of the Sarmatian culture as an object of comprehensive research by formal statistical methods, Ancient civilization and the barbaric world (Materials of the IIIH archaeological seminar)*. Part II, Novoherkassk, P.51-58, 176). (in Rus).
- Zajceva 2001 – Zajceva, OV 2001, Vtorichnye pogrebeniya: problemy izucheniya i integracii, *Prostranstvo kul'tury v arheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii: Materialy XII Zapadno-Sibirskoj arheologo-etnograficheskoj konferencii*, Tomsk, S.96-98. (Zajceva, OV 2001, *Secondary burials: the problems of study and integration, the space of culture in the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent territories: Materials of the XIIA of the Western Siberian Archaeological and Ethnographic Conference*,

Tomsk, P.96-98). (in Rus).

Zdanovich 2003 – Zdanovich, DG 2003, «ZHertvoprinoshenie»: opyt kompleksnogo podhoda k odnomu iz lokusov kultury, *CHelovek v prostranstve drevnih kul'tur. Materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii (20-25 avgusta 2003 goda, Arkaim)*, CHelyabinsk, S.45-50. (Zdanovich, DG 2003, "Sacrifice": the experience of an integrated approach to one of the loci of culture, *Man in the space of ancient cultures. Materials of the All-Russian Scientific Conference (August 20-25, 2003, Arkaim)*, CHelyabinsk, P.45-50). (in Rus).